

Иван Вырыпаев

DreamWorks

Пьеса

Действующие лица:

Дэвид, главный редактор журнала «Наука и общество», 35 лет.

Мэрил, жена Дэвида, журналистка, 34 года.

Тэдди, книжный издатель, 39 лет.

Фрэнк, крупный бизнесмен, 40 лет.

Салли, жена Фрэнка, главный редактор женского журнала, 37 лет.

Бэтти, любовница Фрэнка, модель, 28 лет.

Максимильян, богатый покровитель американских буддистов, 40 лет.

Элизабет, 30 лет.

Лама Джон, буддийский лама, американец по происхождению, 35 лет.

Друзья, родственники и знакомые Фрэнка, люди высокого социального положения.

1-я сцена

Квартира Дэвида. В комнате Дэвид и Мэрил.

МЭРИЛ. Дэвид? Ты здесь, Дэвид?

ДЭВИД. Да, Мэрил. Я тебя слушаю.

МЭРИЛ. Я хочу поговорить с тобой. Это очень важно. Я могу?

ДЭВИД. Ну конечно, Мэрил. Что случилось?

МЭРИЛ. Мне страшно.

ДЭВИД. А чего ты боишься?

МЭРИЛ. Смерти. Твоей смерти, Дэвид.

ДЭВИД. Моей смерти? Хм. Странно. А ведь я вроде бы не умираю, Мэрил.

МЭРИЛ. Но ты можешь умереть. Каждый из нас может умереть в любую секунду. Ты можешь подавиться едой за нашим сегодняшним ужином и умереть.

ДЭВИД. Ты предлагаешь мне сегодня не ужинать?

МЭРИЛ. Я серьезно, Дэвид. Мне стало страшно. Я так тебя люблю. Я не могу представить, что тебя не будет, что я когда-нибудь останусь без тебя. Я не могу представить мир без тебя. Мою жизнь без тебя. Мне так грустно, Дэвид.

ДЭВИД. А с чего ты решила, что именно я умру первым, Мэрил, мы ведь с тобой почти ровесники?

МЭРИЛ. Я рада, что ты можешь шутить на эту тему, но мне не до шуток. Конечно, я хотела бы умереть первой, и я надеюсь, что это так и будет, но полной уверенности у меня нет. И мне стало страшно. Я не смогу жить после тебя. Жить без тебя.

ДЭВИД. Ты умрешь первая, дорогая, успокойся. Я просто уверен, что переживу тебя. Не беспокойся.

МЭРИЛ. Зачем ты все это говоришь мне? Почему разговариваешь со мной в таком ироничном тоне?

ДЭВИД. Я просто шучу.

Пауза.

ДЭВИД. Что с тобой, Мэрил? Что на тебя нашло?

МЭРИЛ. Мне страшно, что ты умрешь.

ДЭВИД. Но я не собираюсь.

МЭРИЛ. Но ты, же не знаешь, ты, же это не контролируешь.

ДЭВИД. А зачем вообще думать об этом, Мэрил?

МЭРИЛ. Я и не хочу думать. Но не могу. Мысли о твоей смерти сами лезут мне в голову, и мне очень грустно, Дэвид. Мне очень, очень грустно, Дэвид.

ДЭВИД. Все люди умирают, Мэрил, и в этом нет ничего необычного. В этом нет ничего странного.

МЭРИЛ. Но мне от этого не легче. От твоих слов мне не легче. Я так счастлива с тобой. Ты вся моя жизнь, ты весь мой смысл. Я не могу себе представить мир без тебя.

ДЭВИД. И я тебя люблю, Мэрил. Я так счастлив, что ты есть.

МЭРИЛ. Это так редко бывает в мире, когда два человека нашли друг друга. Когда встретились именно те, кто созданы друг для друга. Но почему это не навсегда, Дэвид? Почему не навсегда?

ДЭВИД. Потому что в этом мире ничего не бывает навсегда.

МЭРИЛ. Но почему?

Пауза. Какое-то время они сидят молча.

МЭРИЛ. Я знаю, что говорю чушь. Прости, Дэвид. На меня что-то нашло. Сама не знаю, почему это произошло. Прости, что я тебя побеспокоила.

ДЭВИД. Ну что ты говоришь, Мэрил? Иди ко мне. Я люблю тебя.

МЭРИЛ. А я тебя.

ДЭВИД. Иди ко мне, Мэрил.

Пауза.

ДЭВИД. Иди ко мне, Мэрил.

Пауза.

ДЭВИД. Мэрил, ты где?

МЭРИЛ. Я здесь, Дэвид.

ДЭВИД. Почему же ты не идешь ко мне?

МЭРИЛ. Я уже и так с тобой, Дэвид.

ДЭВИД. Почему же ты не идешь ко мне ближе? Почему ты не хочешь, чтобы я прижал тебя к себе?

Пауза.

ДЭВИД. Мэрил?

МЭРИЛ. Да, Дэвид.

ДЭВИД. Почему ты не идешь, Мэрил?

МЭРИЛ. Ты знаешь, почему.

ДЭВИД. Почему?

МЭРИЛ. Ты знаешь, Дэвид.

ДЭВИД. Потому что тебя нет в живых, да?

МЭРИЛ. Да.

ДЭВИД. Потому что я разговариваю с призраком, правда?

МЭРИЛ. Ты ни с кем не разговариваешь, Дэвид, ты просто думаешь об этом. Это происходит в твоём воображении.

ДЭВИД. Но это все так отчетливо. Я словно слышу твой голос. Я тебя вижу. Я говорю с тобой. Ты мне отвечаешь. Ты первая начала разговор со мной. Это все так отчетливо, так реально.

МЭРИЛ. Ты же знаешь, что это нереально, Дэвид.

ДЭВИД. Тебя же нет в живых, Мэрил, правда?

МЭРИЛ. Конечно, ты же знаешь об этом.

ДЭВИД. Но ведь ты первая заговорила со мной сегодня.

МЭРИЛ. Никто ни с кем не заговорил, Дэвид, это все происходит в твоём воображении.

ДЭВИД. Ты хочешь сказать, что сейчас никто ни с кем не разговаривает? Ты хочешь сказать, что я сейчас сижу молча? Сейчас я молчу?

МЭРИЛ. Да, Дэвид, сейчас ты молчишь.

Долгая пауза.

ДЭВИД. Мэрил. Ты еще здесь?

МЭРИЛ. Я всегда здесь, когда ты думаешь обо мне.

ДЭВИД. Я всегда думаю о тебе. С самого момента твоей смерти я всегда думаю о тебе.

МЭРИЛ. Я знаю. Но мне кажется, что ты сильно устал от этих мыслей. Тебе нужно перестать так много обо мне думать, тебе нужно отдохнуть от меня. Тебе нужно вернуться в окружающий тебя реальный мир.

ДЭВИД. Но я не могу, Мэрил. Когда ты умерла, то и мир умер.

МЭРИЛ. Тебе нужно научиться жить без меня, Дэвид. Ничего ведь все равно уже не изменишь, и меня уже не вернешь обратно.

ДЭВИД. Почему?

МЭРИЛ. Потому что в этом мире ничего не бывает навсегда.

ДЭВИД. Почему?

Пауза. Некоторое время они сидят молча.

ДЭВИД. Я знаю, что говорю чушь, прости. Я тяжело переживаю твой уход, Мэрил. Моя жизнь потеряла всякий смысл. Мне ничего не помогает. Вместе с тобой я потерял все. Все. Весь мир.

МЭРИЛ. Тебе нужно жить дальше, Дэвид. Жить с памятью обо мне. Но без меня.

ДЭВИД. Но с тех как я тебя встретил тогда, пятнадцать лет назад, с тех пор я уже не представлял мир без тебя. Мир и ты – это для меня одно и то же. Это одно.

МЭРИЛ. Живи с памятью обо мне. Но продолжай жить.

ДЭВИД. Хорошо, Мэрил. Я стараюсь.

МЭРИЛ. Ты слишком часто находишься один и разговариваешь со мной вслух. Тебе нужно развеяться, поехать куда-нибудь с друзьями. Позвони Тэдди, попросись к нему в гости, поезжай в его загородный дом. Покури там марихуаны, поболтай о женщинах и о буддизме, выпей чего-нибудь и поплачь перед ними.

ДЭВИД. Хорошо, Мэрил. Я попробую. Я позвоню Тэдди.

МЭРИЛ. А ты позвони прямо сейчас.

ДЭВИД. Сейчас? Зачем? Я могу сделать это завтра, сейчас, наверное, уже поздно?

МЭРИЛ. Зачем это откладывать? Сейчас еще не поздно. Сколько сейчас времени? Посмотри, у тебя часы на руке?

Дэвид смотрит на часы.

ДЭВИД. Половина первого ночи. Уже поздно.

МЭРИЛ. Для Тэдди? Перестань, ты же знаешь, чем он занят в это время с пятницы на субботу. Звони. Давай звони ему. Звони.

ДЭВИД. Ну а вдруг он спит?

МЭРИЛ. От кокаина не спят, ты же знаешь.

ДЭВИД. Но с чего ты взяла, что он сейчас нюхает кокаин? Вдруг он спит?

МЭРИЛ. С пятницы на субботу твои друзья собираются у Тэдди, курят марихуану, нюхают кокаин и разговаривают о буддизме. Звони ему, Дэвид. Там вся компания, вот увидишь.

ДЭВИД. Ну не знаю...

МЭРИЛ. Звони.

ДЭВИД. Ну ладно, я попробую.

Дэвид встает, идет к телефону, и вдруг раздается звонок. Звонит телефон. Дэвид удивленно смотрит на телефон, потом берет трубку.

ДЭВИД (*говорит по телефону*). Алло. Да, Тэдди. Привет. И я рад, я как раз собирался тебе звонить... Как здесь? Где? Ты шутишь, Тэдди? Этого не может быть?! Ну конечно заходите. Да, все правда в порядке. Я очень вам рад. Заходите же скорее. Давайте.

Дэвид кладет трубку, смотрит на Мэрил.

ДЭВИД. Представляешь, какое совпадение! Они сами приехали. Они уже внизу, вся компания. Они сейчас поднимаются к нам.

МЭРИЛ. Ну видишь, как здорово. Теперь ты не будешь один.

ДЭВИД. Но я не хочу их видеть. Я не хочу кокаина, не хочу буддизма, я хочу побыть один.

МЭРИЛ. Ты устал один. Тебе нужно немного кокаина, немного марихуаны и немного буддизма. А возможно, и женщину. Отвлекись, Дэвид. Немного отвлекись, это не тебе повредит. Давай, Дэвид, давай. Расслабься.

ДЭВИД. А разве ты не останешься с нами, Мэрил?

МЭРИЛ. Ты что, Дэвид, как же я могу с вами остаться? Я ведь умерла три месяца назад, меня больше нет. Тебе нужно привыкнуть к этой мысли. Тебе нужно научиться жить без меня. Поговори с Тэдди о буддизме, это тебе должно помочь. Прощай, Дэвид. Я люблю тебя.

Мэрил уходит.

2-я сцена

Дэвид идет к двери, открывает дверь, в комнату входит веселая компания – Тэдди, Бэтти, Салли, Фрэнк, Максимильтян, лама Джон и Элизабет.

ТЭДДИ. Привет, Дэвид. Мы приехали без приглашения, но мы уверены, что ты нам очень рад.

БЭТТИ. Привет Дэвид. Познакомься, это Элизабет. Элизабет, это Дэвид.

ДЭВИД. Привет, Элизабет.

ЭЛИЗАБЕТ. Привет, Дэвид.

МАКСИМИЛЬЯН. Дэвид, привет. Разрешите тебя познакомить с нашим гостем ламой Джамгоном Дордже. Это его тибетское имя. Он буддийский лама, хотя и американец.

ЛАМА ДЖОН. Здравствуйте.

ДЭВИД. Очень приятно. Друзья, я очень рад, что вы заехали.

ФРЭНК. Нам всем ужасно захотелось тебя увидеть, Дэвид. Моя жена Салли в последние дни так часто повторяет о том, что она по тебе соскучилась, что я уже начал ревновать.

Фрэнк слегка хлопает Салли по попке. Салли резко отстраняется.

САЛЛИ. Мой муж болтун, Дэвид, не слушай его. Но я действительно соскучилась, мы ведь уже давно не виделись, правда?

ДЭВИД. Да, мы давно не виделись. И вы молодцы, что решили заехать.

ТЭДДИ. Как дела, Дэвид?

ДЭВИД. Я в порядке, Тэд. Вначале мне было трудно, а теперь я справился.

САЛЛИ. Элизабет, я должна немного рассказать тебе о Дэвиде, ты ведь его совсем не знаешь.

ДЭВИД. Не думаю, что я – это тема для интересного рассказа.

САЛЛИ. Дэвид главный редактор журнала «Наука и общество». Он знает обо всех научных открытиях.

ЭЛИЗАБЕТ. К сожалению, я совсем ничего не знаю о научных открытиях.

ДЭВИД. Моя проблема гораздо серьезней вашей. Я многое знаю о научных открытиях, но я не хочу этого знать. Я не люблю научные открытия.

САЛЛИ. Я тебя понимаю, Дэвид. Я терпеть не могу научные открытия, и, насколько я знаю, мой муж Фрэнк тоже, да Фрэнк?

ФРЭНК. А вот вы мне лучше вот что скажите, как так случилось, что обычный американец Джон Фридман вдруг превратился в тибетского ламу Джамгона Дордже? Вам не кажется все это слегка странным?

МАКСИМИЛЬЯН. В этом нет ничего странного, Фрэнк. Сегодня ты американец, в следующей жизни ты русский, потом иранец, потом снова американец. Скорее всего, лама Джамгон в прошлой жизни был буддийским учителем, иначе чем можно объяснить такое сильное стремление к буддизму, возникшее у обычного американца?

ФРЭНК. Послушай, Максимильян, а тебе не кажется, что ты сейчас просто еще раз повторил мой вопрос – чем можно объяснить такое стремление обычного американца сменить свои традиционные джинсы на этот вот красный халат? Это я тебя спрашиваю. Это и есть мой вопрос. А от тебя мне нужен ответ.

МАКСИМИЛЬЯН. Это карма, Фрэнк.

ФРЭНК. Что?!

МАКСИМИЛЬЯН. Это карма.

ФРЭНК. Карма? Чья карма?

МАКСИМИЛЬЯН. Его карма.

ФРЭНК. Джамгона Дордже?

МАКСИМИЛЬЯН. Джамгона Дордже.

ФРЭНК. Ты что спятил, Макс? Ты что, совсем свихнулся, какого Джамгона Дордже? Это кто тут стоит перед тобой, это что, тут стоит Джамгон Дордже?

МАКСИМИЛЬЯН. Это лама Джамгон Дордже.

ФРЭНК. Это лама Джамгон Дордже?! Вот этот наш Джон? Он лама Джамгон Дордже, да что ты говоришь? Кто-кто он? Ну-ка скажи мне еще раз, кто это тут с нами в этой красной одежде?

МАКСИМИЛЬЯН. Ты сам прекрасно видишь, кто это. Это лама Джамгон.

ФРЭНК. Он Джамгон? Наш Джон – Джамгон?!

МАКСИМИЛЬЯН. А что с ним не так, Фрэнк?

ФРЭНК. Все. Все ним не так. Абсолютно все. Джон – Джамгон, вот что здесь не так.

ЛАМА ДЖОН. Зови меня просто лама Джон. Меня все так зовут. Лама Джон и все.

ФРЭНК. Вот! Вот сейчас все встало на свои места. Спасибо, лама Джон. Сейчас ты все сильно упростил в наших отношениях. Спасибо тебе, лама Джон. Теперь я наконец-то понял, кто ты есть на самом деле. Ты лама Джон.

ЛАМА ДЖОН. Я лама Джон.

ФРЭНК. Я тебя люблю, лама Джон.

ЛАМА ДЖОН. И я тебя люблю, Фрэнк.

ФРЭНК. Я тебя очень сильно люблю, сильнее их всех. Потому что ты чище их всех. Ты мудрее их всех. Я люблю тебя, лама Джон.

ЛАМА ДЖОН. И я тебя люблю, Фрэнк.

Фрэнк подходит к ламе Джону, они обнимаются. Крепкие мужские объятия.

ТЭДДИ. Мы все ужасно соскучились по тебе, Дэвид.

ДЕННИ. И я чертовски рад вас видеть, ребята.

ТЭДДИ. Дэвид, мы знаем, что тебе очень плохо. Мы пришли разделить с тобой твою горе. Не закрывай перед нами свою дверь,пусти нас в себя.

ДЭВИД. Окей, моя дверь для вас открыта, добро пожаловать, проходите. Заходите в меня по одному или все разом, как вам будет удобно.

САЛЛИ. Удобней будет по одному.

БЭТТИ. Элизабет, идет первой.

ТЭДДИ. А почему Элизабет, а не, скажем, например, я?

БЭТТИ. Потому что Элизабет здесь в первый раз. Она наша гостья. Так что, Элизабет, ты входишь первой. Дэвид, твоя дверь в тебя открыта для Элизабет?

ДЭВИД. Окей, почему бы и нет. Дверь в меня открыта для всех.

САЛЛИ. Ну тогда мы начинаем. Дэвид, это Элизабет, она не замужем, у нее нет парня, она не лесбиянка. Впусти ее скорей в свое сердце, открой ей свою дверь.

Возникает странная пауза.

САЛЛИ. Дэвид?

ДЭВИД. Я в общем-то не знаю, что вам сказать на это. Я должен спросить у Мэрил.

ТЭДДИ. Что случилось, Дэвид?

ДЭВИД. Ничего, Тэдди, просто это все так быстро происходит, я еще не успел привыкнуть к этой мысли...

САЛЛИ. К какой мысли, Дэвид?

ДЭВИД. К мысли об Элизабет.

Пауза.

БЭТТИ. Тебе не нужно относиться к появлению Элизабет так серьезно. Это просто Элизабет и все.

ДЭВИД. Да, да, я все это понимаю. Для вас это просто Элизабет, а мне нужно спросить об этом у Мэрил. Я должен поговорить с Мэрил. Извините.

ТЭДДИ. Прости, Дэвид, но ты сам прекрасно знаешь, что это невозможно.

ДЭВИД. Что?

ТЭДДИ. Поговорить с Мэрил.

Дэвид садится на стул, обхватив голову руками. Тэдди знаками показывает всем остальным, что пора уходить. Гости потихоньку начинают расходиться. Уходят все, кроме Элизабет.

3-я сцена

Элизабет берет стул и садится напротив Дэвида. Дэвид поднимает голову, осматривается, видит, что все, кроме Элизабет, ушли. Он смотрит на Элизабет. Элизабет смотрит на Дэвида.

ДЭВИД. Элизабет – это твое настоящее имя?

ЭЛИЗАБЕТ. Да, это мое настоящее имя, но я сразу же хочу сказать вам, что ваши друзья мне заплатили.

ДЭВИД. Заплатили?

ЭЛИЗАБЕТ. Заплатили мне деньги.

ДЭВИД. Заплатили за что?

ЭЛИЗАБЕТ. За то, чтобы я пришла к вам сегодня. За то, что я сейчас здесь.

ДЭВИД. Что-что-что? Прости, я не до конца понял, что ты имеешь в виду, так ты проститутка?

ЭЛИЗАБЕТ. Вообще-то нет. Хотя это немного похоже на проституцию. Дело в том, что у меня это сегодня первый раз в жизни.

ДЭВИД. Что первый раз в жизни?

ЭЛИЗАБЕТ. Ну, встреча с мужчиной. Мне тридцать лет, но так вышло, что я еще никогда не была ни с одним мужчиной, а тем более за деньги. Так что сегодня у меня это первый раз в жизни.

ДЭВИД. Что я слышу, Элизабет? Они дали тебе денег, чтобы ты спала со мной? Они за это тебе заплатили? Чтобы ты со мной спала, так?

ЭЛИЗАБЕТ. Они заплатили мне за то, чтобы я была с вами. А уж будем мы спать или нет, это все зависит только от вас, Дэвид.

ДЭВИД. Так-так. Это становится интересным. Ого! Какие у меня заботливые друзья, надо же! А если я сейчас попрошу тебя уйти, то тебе придется вернуть им эти деньги?

ЭЛИЗАБЕТ. Нет. Конечно, нет. Мне заплатили только за то, чтобы я пришла к вам и сделала все, что вы захотите, в разумных пределах, разумеется. Так что если вы захотите, чтобы я ушла, то я уйду, и моя работа будет выполнена.

ДЭВИД. Работа?! Это называется «работа»?

ЭЛИЗАБЕТ. Ну да, раз я делаю это за деньги, то, значит, это моя работа, тут уж по-другому никак не скажешь.

Дэвид смеется.

ДЭВИД. Господи, какие они все-таки глупые люди! Какие они бесчувственные, ожиревшие и отупевшие от своего кокаина и буддизма жалкие существа.

Дэвид подходит к Элизабет, наклоняется к ней, кладет руку ей на плечо.

ДЭВИД. Элизабет, мне было очень приятно познакомиться, но я должен сказать тебе, что твоя работа закончена. Ты должна идти. Спасибо тебе за твой труд. Теперь, после того как ты сделала свою работу, тебе пора отдохнуть, отдохнуть с чувством хорошо выполненной работы. Я благодарен тебе за твою работу, которую ты тут выполнила. Это был просто

верх профессионализма. Жаль, что все так быстро закончилось. Ну ничего не поделаешь, тебе уже правда пора домой. До свидания, Элизабет.

Элизабет встает и идет к двери.

ДЭВИД. Единственное, что меня огорчило в твоей работе, Элизабет, так это то, с какой легкостью ты сразу же открыла мне весь свой секрет. Ведь тебя, наверное, попросили и тебе, наверное, заплатили в том числе и за то, чтобы я ни в коем случае не догадался о том, что «ты» – это «твоя работа», я уверен, что тебе заплатили именно за то, чтобы я считал наши с тобой отношения по-настоящему возникшими, ведь я прав, Элизабет? Зачем же ты так быстро предала своих работодателей? Разве это профессионально по отношению к той работе, которую ты должна была сделать? Разве тебе не стыдно взять деньги и не сделать то, за что тебе заплатили эти деньги?

ЭЛИЗАБЕТ. Не переживайте, Дэвид, я сделала все, за что мне заплатили. Потому что первое, что они попросили меня сделать сразу же после того, как мы с вами останемся вдвоем, так это рассказать вам обо всем. Это было их условие, чтобы я вам обо всем рассказала. И я это сделала.

Пауза. Дэвид в недоумении смотрит на Элизабет.

ДЭВИД. Что?

ЭЛИЗАБЕТ. Они сами хотели, чтобы я рассказала вам о нашем с ними договоре.

ДЭВИД. Это правда?

ЭЛИЗАБЕТ. Их главным требованием ко мне было то, чтобы я вообще никогда не врала вам. Я получаю деньги за то, что говорю вам только правду обо всем. Обо мне, о своей жизни, о том, что я чувствую.

Дэвид на несколько секунд задумывается, потом пристально смотрит на Элизабет. Элизабет стоит у дверей и ждет.

ДЭВИД. Вот черт, Дэвид, а ведь твои друзья гораздо умнее, чем ты о них думаешь! Конечно, они рассчитывают на то, что это признание произведет на тебя неизгладимое впечатление, да так оно, собственно, и есть. Но они все равно не выиграют это сражение. Я оценил их ум и их стратегию. По их хитроумному замыслу, после этого признания я должен был бы попросить тебя еще немного остаться. Но они принимают меня за слишком наивного человека. Я еще раз благодарю тебя за твою работу, Элизабет. Но, к сожалению, тебе все-таки придется уйти. Уже поздно. Да и мне еще тут нужно кое с кем кое-что обсудить. Спокойной ночи, Элизабет. До свидания.

ЭЛИЗАБЕТ. Ты хочешь обсудить все это со своей женой Мэрил?

Дэвид мгновенно выходит из себя.

ДЭВИД. А вот это уже совсем не твое дело! Ты сделала свою работу, получила свои деньги, и теперь ты можешь идти. До свидания, Элизабет, тебе правда уже пора.

Дэвид подходит к двери, открывает дверь. Элизабет выходит за дверь, останавливается в дверях, оборачивается.

ЭЛИЗАБЕТ. Наши мечты – это наша работа, которую мы во что бы то ни стало должны сделать хорошо.

Дэвид закрывает за Элизабет дверь. Какое-то время он стоит у двери, закрыв лицо руками. Потом он оборачивается и открывает дверь. Там за дверью стоит Элизабет. Дэвид открывает перед ней дверь, предлагая ей войти. Элизабет входит. Дэвид закрывает за ней дверь.

ДЭВИД. Откуда ты знаешь эту фразу, Элизабет?

ЭЛИЗАБЕТ. Наши мечты – это наша работа, которую мы во что бы то ни стало должны сделать хорошо.

ДЭВИД. Откуда ты знаешь эту фразу?

ЭЛИЗАБЕТ. Это фраза, которую любила повторять твоя жена Мэрил. Это был девиз ее жизни.

ДЭВИД. Откуда ты знаешь об этом? Для меня сейчас это очень важно, прошу тебя, ты должна мне ответить!

ЭЛИЗАБЕТ. Твоя жена Мэрил сказала мне об этом, когда она попросила меня прийти к тебе.

ДЭВИД. То, что ты сейчас делаешь, Элизабет, – это очень, очень жестоко, и я бы не задумываясь вышвырнул тебя за дверь, но я хочу понять, откуда ты могла узнать эту фразу, только не нужно еще раз повторять, что тебе об этом сказала моя жена, поскольку мы здесь с тобой оба хорошо знаем, что моя жена Мэрил три месяца назад умерла.

ЭЛИЗАБЕТ. Но она сказала мне об этом еще перед своей смертью. Она сказала мне об этом за месяц до своей смерти.

ДЭВИД. Значит, ты хочешь сказать, что вы с Мэрил были знакомы, ты это хочешь сказать?

ЭЛИЗАБЕТ. Да, именно это, Дэвид. Мы с Мэрил были знакомы. Меня привели к ней твои друзья в тот самый день, когда они предложили мне эту работу. И в этом предложении участвовали не только твои друзья, но и твоя жена Мэрил. И насколько я знаю, вообще-то это была ее идея найти тебе кого-нибудь вроде меня.

ДЭВИД. Что-что?! Послушай, ты! Есть такие границы, которые нельзя переходить даже за деньги. Даже за очень большие деньги. Но ты, кажется, сейчас эти границы собираешься перейти, предупреждаю, это для тебя не безопасно.

ЭЛИЗАБЕТ. Дэвид, тебе нужно успокоиться, набраться смелости и узнать, как все обстоит на самом деле. Когда твоя жена Мэрил узнала, что у нее рак и что ей осталось несколько месяцев, то первое, о чем она подумала, так это о том, что тебе будет очень тяжело перенести ее смерть. И она подумала о том, что после ее смерти ты, наверное, уйдешь в депрессию и, возможно, не сможешь из нее выбраться. Тогда она стала думать, как ей помочь тебе. И она, посоветовавшись с твоими друзьями – с Тэдди, с Фрэнком и другими, решила, что после ее смерти тебе понадобится кто-то, кто сможет тебе помочь, и что этот кто-то должен быть женщиной, чтобы не просто разговаривать с тобой, но чтобы помочь тебе снова стать мужчиной. А стать мужчиной мужчине может помочь только женщина. Тогда твои друзья по просьбе твоей жены стали искать для этой миссии подходящую женщину, и они нашли меня. И они привели меня к твоей жене в больницу, и мы с ней долго, долго разговаривали и потом встречались еще несколько раз, и в результате Мэрил утвердила мою кандидатуру на роль женщины, которая должна будет к тебе прийти, и она научила меня некоторым вещам, которые я могла бы использовать, чтобы наладить с тобой контакт, в том числе она передала мне эту фразу, которую я только что сказала. Твои друзья и твоя жена, Дэвид, сделали это, потому что они любят тебя и потому что они действительно хотят помочь тебе. И я тоже действительно хочу помочь тебе.

ДЭВИД. Что?! Ты тоже хочешь мне помочь?! Ты, дрянь, решившая заработать на человеческом горе, ты тут сейчас станешь говорить мне о помощи?! Да я сейчас просто задушу тебя, жалкая шлюха!

Дэвид бросается на Элизабет, они падают на пол, Дэвид начинает душить Элизабет, но тут в комнату врываются Тэдди и Фрэнк, а за ними и вся компания – Бэтти, Салли, Максимильтян и лама Джон. Тэдди и Фрэнк оттаскивают Дэвида в сторону. Салли и Бэтти помогают Элизабет подняться на ноги, они усаживают ее в кресло. Максимильтян приносит воды Элизабет, а лама Джон приносит воды Дэвиду. Пауза.

4-я сцена

Комната Дэвида. Дэвид сидит на полу, рядом с ним Фрэнк и Тэдди, в трех метрах от них на стуле сидит Элизабет, рядом с ней стоят Салли и Бэтти, Максимильтян и лама Джон сидят на диване, подобрав ноги под себя, приняв позы Будды.

ТЭДДИ. Сейчас я все объясню, Дэвид.

ДЭВИД. Спасибо, Тэдди, но мне уже все объяснили и без тебя. Спасибо вам, ребята, за вашу помощь, за вашу поддержку, вы меня здорово поддержали, вы подняли меня из руин. Благодаря вашим добрым сердцам и смекалистому уму я выбрался из своего «пасмурного» настроения, как вы его называете. Спасибо вам еще и еще раз, дорогие мои друзья, спасибо, Тэдди, спасибо, Фрэнк, Харе Кришна, мистер лама Джон, так, кажется, у вас там принято говорить? Спасибо и вам, девочки. Спасибо за все. А теперь убирайтесь вон. И я больше никогда, слышите меня, никогда не хочу видеть вас в этом доме. Пошли все вон!

Пауза. Никто не двигается с места.

ДЭВИД. Я что, не ясно выразился или мне вызвать полицию? Убирайтесь из моего дома немедленно.

ФРЭНК. Послушай, Дэвид. Это была предсмертная воля Мэрил. Мы обещали ей, что сделаем так, как она хотела, и мы сделали это. Здесь нет нашей вины, пойми нас.

ДЭВИД. А мне плевать на то, что ты сейчас говоришь, Фрэнк. Мне плевать на то, что ты сейчас говоришь! И на тебя мне тоже наплевать, и на вас на всех. Я требую, чтобы вы все убрались отсюда немедленно, а иначе мне действительно придется позвонить в полицию. Мне плевать на все ваши добрые намерения. Я не хочу слышать все эти ваши объяснения. Меня тошнит от вас и от всех ваших «добрых» дел. И все, что я сейчас хочу, – это остаться один. Уйдите, я прошу вас, разве вы не понимаете, что мне необходимо остаться одному.

МАКСИМИЛЬЯН. Похоже, нам и правда пора идти. Мы действительно пойдём, Дэвид. Извини, что все так вышло.

Максимильян встает и идет к выходу, за ним к дверям идут все остальные.

ФРЭНК. Но ты позволишь нам с Салли заглянуть к тебе завтра, я думаю, нам стоит обсудить все на трезвую голову?

ДЭВИД. Нет, Фрэнк. Нам нечего обсуждать, не приходите завтра, я вас не приму.

ТЭДДИ. Ну хорошо, хорошо. Но ты хотя бы поговоришь со мной немного по телефону, я должен сказать тебе одну очень важную вещь. Меня просила об этом Мэрил.

Дэвид резко вскакивает и кричит.

ДЭВИД. Забудь это имя, ублюдок, слышишь? Забудь и не говори мне больше ни одного слова о том, что тебя что-то когда-то связывало со мной и с моей женой. Не смей говорить со мной ни по телефону, ни при встрече. Ты меня понял, Тэдди?! И это касается вас всех, вы меня слышите? С этой минуты между нами больше нет никакого контакта. Не нужно мне звонить и писать и даже думать обо мне. Меня больше нет в вашей жизни, прощайте.

Все идут к выходу.

САЛЛИ. До свидания, Дэвид.

БЭТТИ. До свидания.

ЛАМА ДЖОН. Рад был познакомиться, Харе Кришна.

Все уходят. Дэвид остается один.

5-я сцена

Квартира Дэвида. Дэвид сидит на диване. В дальнем углу комнаты, у окна, стоит Мэрил. Она смотрит в окно.

МЭРИЛ. Я думала, что так тебе будет лучше, Дэвид.

ДЭВИД. А оказалось, что так мне стало только хуже, Мэрил.

МЭРИЛ. Потому что ты сопротивляешься всему новому, Дэвид, так уж ты устроен. Ты ходишь в одни и те же рестораны, покупаешь вещи одной и той же марки, всю жизнь едешь на одном и том же автомобиле и слушаешь одну и ту же музыку с университетских времен.

ДЭВИД. И еще я люблю одну и ту же женщину, Мэрил. Или это тоже относится к разряду моих недостатков?

МЭРИЛ. Дэвид, в этом мире ничего бывает постоянным, здесь все меняется. Меняется каждое мгновение, только мы этого никогда не замечаем, вот в чем наша проблема. Мы привыкли считать и думать, что все вокруг неизменно, и мы строим на этом все наши жизни, мы пытаемся удержать то, к чему мы привыкаем, и то, что для нас является вечно существующим. Но в этом мире, Дэвид, нет ничего вечно существующего, абсолютно ничего. Поэтому мы и страдаем, отсюда и все наши несчастья, что мы связываем наши жизни с тем, что кажется нам надежным и крепким, но оно все меняется, и почва, на которой мы стояли, как нам казалось, очень твердо, начинает уходить из-под ног. Мы испытываем нестерпимую боль, когда рушатся наши дома из песка. Но ведь это же дома из песка, Дэвид, разве, когда мы строили эти дома, мы не знали, что они из песка и что песок рано или поздно рассыпется на миллионы мелких песчинок?

ДЭВИД. Но разве любовь – это не единственное, что есть постоянного в этом мире? Разве настоящая любовь может рассыпаться на миллион мелких песчинок? Разве любовь – это не целое, Мэрил? По-моему, любовь – это единственное «постоянное», что есть в этом мире, действительно созданном из песка.

МЭРИЛ. Тогда почему ты страдаешь, Дэвид?

ДЭВИД. Потому что я люблю тебя.

МЭРИЛ. Но почему ты страдаешь, Дэвид?

ДЭВИД. Потому что тебя нет со мной, Мэрил. Моя любовь к тебе постоянна, и с ней ничего не произошло после твоей смерти. Но ты и твоё тело распалось на миллионы песчинок, и я страдаю именно от этого. Зато моя к тебе любовь помогает мне выжить. А если у меня забрать и ее, то вот тогда я действительно останусь ни с чем, и вот тогда мне действительно уже никогда не обрести смысла в этом непостоянном песочном мире.

МЭРИЛ. Значит, все в порядке, Дэвид?

ДЭВИД. Да, Мэрил, все почти в порядке. За исключением того, что я не могу обнять тебя и прижать тебя к себе. Все в порядке, можно сказать и так.

МЭРИЛ. Тогда почему ты так рассердился на эту бедную женщину, если все в порядке, Дэвид? Почему ты чуть не задушил ее? И зачем ты решил расстаться со своими друзьями, которые всю ночь ради тебя просидели под дверями твоего дома, которые любят тебя,

переживают за тебя и действительно заботятся о тебе как о самом близком и родном им человеке?

Пауза.

ДЭВИД. Потому что на самом деле я не на них разозлился, Мэрил, а на тебя.

МЭРИЛ. Вот. Вот именно это я и хотела от тебя услышать, дорогой. Я ведь прекрасно знала, что это так. И я рада, что ты наконец-то смог в этом признаться.

ДЭВИД. Я никогда не имел никаких тайн от тебя, никогда ничего не скрывал даже в мелочах и всегда верил, что и ты ничего от меня не скрываешь, что мы предельно открыты друг перед другом. А оказалось, что целый месяц перед своей смертью, а ты ведь помнишь, какой это был тяжелый не только для тебя, но и для меня тоже, месяц? Господи, какой это был тяжелый для меня месяц! Каждый день терять тебя, час за часом, минута за минутой, терять тебя. Я думал, я не смогу всего этого пережить, это был самый настоящий ад, и даже сам момент твоей смерти не был для меня таким тяжелым, как этот страшный месяц, когда я терял тебя. И вдруг я узнаю, что ты жила двойной жизнью, Мэрил. Что ты вынашивала какие-то планы, встречалась с какой-то сумасшедшей женщиной, что-то там придумывала. И все это за моей спиной, за моей спиной, Мэрил! За моей спиной! Вот что в меня попало, в самое мое сердце, вот что вышибло меня из равновесия. Вот отчего я окончательно потерял контроль и вышел из себя.

МЭРИЛ. Значит, виновата во всем только я, Дэвид, и значит, тебе нужно позвонить, а еще лучше – сходить к своим друзьям и попросить у них прощения за то, что ты так накричал на них. Тебе необязательно оставаться у них, чтобы нюхать кокаин и говорить с ними о буддизме. Тебе будет достаточно только прийти извиниться перед ними и уйти. Но это необходимо сделать, Дэвид. Это будет очень справедливо по отношению к тем, кто правда заботится о тебе, к тем, кто в эту минуту переживает из-за того, что случилось, не меньше, а, я думаю, гораздо больше, чем ты сам. Сходи к ним, Дэвид. Выспись как следует, приведи себя в порядок и завтра вечером отправляйся к Тэдди. Завтра суббота, а с субботы на воскресенье вся компания всегда собирается у Тэдди, чтобы покурить марихуаны, понюхать кокаин и поговорить о буддизме. Сделай это, Дэвид. Ты должен это сделать, я прошу тебя. А со мной ты выяснишь отношения отдельно. Ведь, в конце концов, они здесь действительно ни при чем, это наше с тобой дело, твое и мое. Прости их, дорогой, и сделай так, чтобы они простили тебя и самих себя.

ДЭВИД. Господи, как ты умеешь говорить, Мэрил. Ты способна уговорить кого угодно, сделать все что угодно. Я всегда находился под твоим влиянием, Мэрил. Я не хочу идти к ним, но я уже чувствую, что завтра я пойду к ним. И не потому, что ты права, дорогая, а потому, что ты умеешь уговаривать, как никто другой.

МЭРИЛ. Большое спасибо, дорогой, но ведь, ты и сам прекрасно знаешь, что это не я тебя уговариваю, а ты уговариваешь сам себя. Ведь здесь, в этой комнате, никого, кроме тебя, нет, Дэвид.

ДЭВИД. Как, Мэрил, разве это не твой дух говорит со мной?

МЭРИЛ. Ты сам прекрасно знаешь, что нет. Нет никаких духов, Дэвид. Нет никакого диалога, есть только твои мысли, дорогой. Ты сам себя уговариваешь, ты разговариваешь со мной только у себя в воображении, ты ведь и сам об этом знаешь, Дэвид.

ДЭВИД. Да, я об этом знаю, Мэрил. Я знаю, что я разговариваю сам с собой. Но мне нужно узнать, во что бы то ни стало нужно узнать у тебя, ради чего ты придумала всю эту сложную конструкцию с этой бедной женщиной, Элизабет, неужели же только из-за того, чтобы вывести меня из депрессии, неужели только из-за того, чтобы не дать мне умереть от тоски? Я чувствую, что здесь есть что-то еще, нечто большее, чем просто психотерапия, ведь я прав? Почему ты все это сделала, Мэрил, ответь мне?

МЭРИЛ. Потому что наши мечты – это наша работа, Дэвид, которую мы во что бы то ни стало должны сделать хорошо.

6-я сцена

Дом Тэдди. Большая гостиная. В гостиной несколько диванов и удобных широких кресел. На полу шикарный персидский ковер. Вдоль стен расположены несколько шкафов и книжных полок. Вся мебель в доме Тэдди сделана в индийском колониальном стиле. В комнате Тэдди, Фрэнк, Салли, Бэтти, Максимильтян и лама Джон. Все слушают ламу Джона, который сидит в самом центре, в широком мягком кресле, подобрав под себя ноги и приняв позу, очень сильно напоминающую позу сидящего Будды.

ЛАМА ДЖОН. Сущность буддийской философии заключается в том, что все явления, которые мы видим, и все предметы, и наши мысли, и даже мы сами – все это не что иное, как аспекты нашего ума. Все это и есть – ум. И даже мы сами – это тоже ум. Мы есть ум. Но сам этот ум является лишь отраженной энергией, возникающей из главной основы всего. А главная основа всего, которую мы в буддизме называем Дхармакаей, – это безначальное пространство так называемой пустоты. И из этой пустоты и возникают все явления и все аспекты кажущегося нам бытия. Все явления возникают из пустоты, и все явления пусты. Все есть пустота, а пустота – это и есть все. И как очень красиво сказал один из величайших буддийских учителей прошлого, тибетский мастер Лонгчен Рабджам: «Такое волшебство заслуживает восхищения и изумления, потому что полное отсутствие чего-либо возникает в чем угодно».

Пауза. Все пытаются насладиться красотой высказывания и глубиной мысли. И только Фрэнк встает и идет к столику, на котором стоят спиртные напитки. Фрэнк наливает себе в стакан виски, потом берет из шкатулки сигару, берет специальные ножницы, для того чтобы обрезать кончик сигары, обрезает кончик сигары. Фрэнк несколько раз кашляет. Фрэнк берет специальные длинные спички, подкуривает сигару, затягивается и с силой выпускает вверх первую струю дыма.

МАКСИМИЛЬЯН. Судя по всему, сейчас Фрэнк даст своему скептицизму вылиться наружу.

САЛЛИ. Интересно, кому первому Фрэнк сейчас надерет задницу, Максимильтяну, ламе Джону или этому вашему тибетскому мастеру, как его звали, лама Джон?

ЛАМА ДЖОН. Лонгчен Рабджам.

САЛЛИ. Или вам достанется всем троим?

МАКСИМИЛЬЯН. Я уверен, что достанется именно мне. Потому что на территории буддизма Фрэнк всегда предпочитает драть именно мою задницу, и, похоже, сейчас он уже вынимает свой внутренний ремень из своих внутренних брюк, чтобы приступить к порке моей внутренней задницы.

БЭТТИ. «Внутренняя задница» – это сейчас придумал?

МАКСИМИЛЬЯН. Да.

БЭТТИ. Получилось очень неплохо, я тебя поздравляю.

ФРЭНК. Позволь и мне присоединиться к поздравлениям Бэтти, дорогой Максимильтян, «внутренняя задница» – это, безусловно, большой поэтический успех.

МАКСИМИЛЬЯН. О! Вот, видите, Фрэнк уже приступает, сейчас начнется самое главное.

Фрэнк отходит к противоположной стене гостиной и садится там на плетёный стул. Фрэнк делает большой глоток виски из своего стакана, затягивается сигарой и выпускает толстую струю дыма. Все ждут, когда Фрэнк начнет говорить.

ФРЭНК. Послушай, Тэдди, а с чего ты вообще решил, что эта девушка, Элизабет, является именно той женщиной, которая сможет понравиться нашему Дэвиду?

Пауза. Никто не ожидал такой резкой смены темы.

ТЭДДИ. Это не я так решил, а Мэрил, она ведь сама утвердила кандидатуру Элизабет на эту роль.

ФРЭНК. Но ведь ты же ее привел. А значит, тебе показалось, что такая девушка, как Элизабет, – это как раз то, что может подойти нашему Дэвиду?! Но с чего ты это взял, Тэдди, какими такими соображениями ты руководствовался, вот в чем заключается мой вопрос?

ТЭДДИ. Да, собственно, никакими, Фрэнк. Она мне просто понравилась, вот и все. К тому же она не замужем, и она очень скромная, вежливая и воспитанная женщина.

ФРЭНК. Вот! Вот мы и добрались до самой сути вещей. Она тебе понравилась, Тэдди. И ты подумал, что раз она понравилась тебе, то она, конечно, должна всенепременно понравиться и нашему Дэвиду. Вот какой логикой ты руководствовался, дружище. Однако хочу спросить тебя, дорогой мой Тэдди, а с чего ты вообще взял, что вы с Дэвидом имеете одинаковые вкусы и что вы вообще похожи? Ведь если посмотреть на вас со стороны, то не нужно быть знатоком человека, чтобы увидеть, что вы абсолютно разные люди. И жизни ваши складываются тоже абсолютно по-разному. Дэвид около пятнадцати лет жил в счастливом браке в любви и согласии со своей женой. А ты после того, как Салли тебя бросила и ушла ко мне, ты так до сих пор и не смог найти себе спутницу жизни.

САЛЛИ. Фрэнк, немедленно прекрати! Не слушай его, Тэдди.

ТЭДДИ. Ничего, ничего, Салли, я в порядке.

ФРЭНК. Вот именно, Салли, он в порядке. И когда ты уходила от него ко мне, он тоже был в порядке. Он всегда в порядке. Он в порядке, а вот его друг Дэвид – нет.

ТЭДДИ. Я не понимаю, к чему это ты клонишь, Фрэнк, я не понимаю? Ты что, хочешь сказать, что это я виноват в том, что случилось? Я виноват в том, что Дэвид так отреагировал на появление Элизабет, ты это хочешь сказать, Фрэнк?

Фрэнк встает и идет к Тэдди, останавливается напротив него.

ФРЭНК. Я хочу сказать, что виной всему неправильный выбор девушки, вот что я хочу сказать. Эта девушка не годится для Дэвида, это же ясно как божий день! И знаешь, почему она не годится для нашего Дэвида, Тэдди? Потому что она годится для тебя!

Тэдди вскакивает с места и встает перед Фрэнком.

ТЭДДИ. Но ведь Мэрил ее утвердила, Фрэнк. Ты забыл, что Мэрил ее утвердила, а не я, Фрэнк!

ФРЭНК. Потому что Мэрил женщина, Тэдди, и она, даже умирая, продолжала ею оставаться! Поэтому, сама того не желая, она выбрала ту женщину, которая бы никогда не понравилась ее мужу. Ее ум хотел одного, но ее сердце делало другое. Женщина, Тэдди, никогда не выберет своему мужчине женщину, более достойную, чем она сама. Это просто как дважды два! Вот так и получилось, что ты выбрал ту, которая понравилась тебе, а Мэрил – ту, которая не понравилась ей. Да, Тэдди. Что ты на меня так смотришь? Да, Тэдди, да! Которая не понравилась ей! Вот что на самом деле тут произошло.

ТЭДДИ. Да что ты такое говоришь, Фрэнк?

ФРЭНК. Ты не разбираешься в женщинах, Тэдди, и ты подсунул Дэвиду девку, которая похожа на пресную тухлую селедку, потому что только такие пресные селедки могут клюнуть на такую размазню, как ты.

ТЭДДИ. Значит, по-твоему, Салли – это тухлая селедка, так? Ведь она была моей женщиной, Фрэнк, ты сам только что вспоминал об этом.

ФРЭНК. Была, Тэдди. Была десять лет тому назад. И ушла от тебя ко мне. Вот так вот, старина, вот так вот.

Фрэнк отворачивается от Тэдди и идет к столику со спиртным, наливает себе виски и залпом выпивает полстакана виски.

САЛЛИ. Ты сейчас поступаешь очень жестоко, дорогой. Извини его, Тэдди, Фрэнк, по моему, сегодня выпил лишнего.

ТЭДДИ. Ничего, ничего, Салли, я в порядке.

ФРЭНК. А вот скажи мне, Салли, что ты думаешь о Бэтти как о женщине, она в твоём вкусе или нет?

САЛЛИ. Я думаю, Фрэнк, тебе сейчас не нужно начинать этот разговор.

ФРЭНК. Да ладно, перестань, здесь все знают, что Бэтти моя любовница, зачем делать вид, что никому ничего не известно. Ну так как, она в твоём вкусе или нет?

САЛЛИ. Если ты сейчас же не остановишься Фрэнк, я уйду.

МАКСИМИЛЬЯН. Да, Фрэнк, дружище, по-моему, ты ушел куда-то в сторону от главной темы сегодняшнего вечера.

ФРЭНК. Да? А тогда не мог бы ты напомнить мне еще раз, дружище Максимильтян, какая главная тема сегодняшнего вечера?

МАКСИМИЛЬЯН. Мы говорили о буддийском понимании пустоты, о первопричине, из которой все возникает.

ФРЭНК. Ага, значит, я ушел в сторону от пустоты, из которой тут у вас все возникает? Ну и прекрасно! Скажу вам, что я этому очень даже рад. Потому что в мои сорок лет меня, к счастью, больше интересует жизнь моего друга, попавшего в беду, а не эта ваша пустота, в которой вы все тут, нанюхавшись кокаина и вырядившись в красные тибетские халаты, пребываете.

МАКСИМИЛЬЯН. Лама Джон не нюхает кокаин, в отличие от тебя, Фрэнк.

ЛАМА ДЖОН. Зато я вырядился в красный халат, и теперь пришла и моя очередь получить свою порцию от Фрэнка.

МАКСИМИЛЬЯН. Лама Джон не имеет к этой истории с Элизабет вообще никакого отношения, так что зря ты на него напал, Фрэнк.

ФРЭНК. Ха! Сегодня, дорогой мой друг, ты, пожалуй, вряд ли дождешься, чтобы я на кого-нибудь напал. Сегодня за развлечениями подобного рода тебе лучше обратиться к нашему Тэдди или еще лучше к своему американскому Будде ламе Джону, которого ты так ревностно защищаешь. Попроси его, чтобы он поскорей засунул свой внутренний буддийский член дхармы в твою внутреннюю буддийскую попку и разогнал этим своим внутренним членом тьму твоего неведения в твоей внутренней заднице, избавляя тебя от твоего внутреннего эгоизма и внутреннего дерьма и фальши, которыми ты насквозь пропитался, купаясь в этой своей кокаиново-буддийской пустоте.

Пауза.

БЭТТИ. О господи, Фрэнк, это же гениально!

ЛАМА ДЖОН. Фрэнк – современный Лонгчен Рабджам. Он его реинкарнация.

САЛЛИ. Максимильтян, лама Джон, Тэдди, простите моего мужа, он просто выпил лишнего, нанюхался кокаина, который он так осуждает, и решил предстать перед нами человеком, исполненным справедливости и чистоты, решил поиграть перед нами в заботливого друга. Но это все под воздействием алкоголя и наркотиков, разумеется, потому что без виски и кокаина он хорошим человеком не является, как мы знаем, так что вы на него не обижайтесь.

Пауза. Входит Дэвид. Все в удивлении смотрят на Дэвида.

7-я сцена

Гостиная в доме Тэдди. Все те же и Дэвид.

ДЭВИД. Всем привет. Я пришел, чтобы попросить у вас прощения за вчерашний вечер. Я вчера вышел из себя, наговорил вам кучу гадостей, вел себя как последний эгоист и свинья. Я знаю, что вы все хотите мне помочь. Простите меня за то, что я накричал на вас, и за все слова, которые я вам наговорил. Я хочу, чтобы мы продолжали оставаться друзьями. Мой дом всегда открыт для вас, я буду рад видеть каждого из присутствующих в своем доме и в своем сердце. Я очень прошу вас простить меня.

Пауза.

САЛЛИ. Какое счастье, что ты пришел, Дэвид! Мы так переживали за то, что произошло. Особенно Фрэнк.

МАКСИМИЛЬЯН. Да, Фрэнк только что просто стер всех нас с лица земли.

ДЭВИД. Привет, Фрэнк.

ФРЭНК. Рад тебя видеть, Дэвид.

Тэдди встает, идет к Дэвиду, заключает Дэвида в объятия.

ТЭДДИ. Дай я обниму тебя, дружище. Я так люблю тебя, Дэвид, прости меня за все, за все, за все.

ДЭВИД. Я вас тоже всех очень люблю, друзья мои.

Фрэнк затягивается сигарой и с силой выпускает толстую струю дыма.

ФРЭНК. А вот скажи мне, мой буддийский друг и учитель лама Джон. А правильно ли я понял, что, согласно буддийскому учению, все мы, живые существа, когда-то в прошлых жизнях приходились друг другу детьми и матерями, а значит, в каждом человеке и даже, простите, в моем друге Тэдди, я, согласно буддийскому учению, должен видеть свою бывшую мать?

ЛАМА ДЖОН. Да, буддийское учение говорит о том, что все живые существа были когда-то наши матерями, поэтому мы должны почитать всех живых существ без исключения как своих матерей. Это правда так, дорогой Фрэнк.

ФРЭНК. Вот, дорогой Дэвид, полюбуйся, что происходит в головах у твоих любимых друзей. А ведь им всем уже давно больше тридцати. Значит, по-твоему, лама Джон, ты в прошлой жизни был моей матушкой, а я был твоим послушным сынишкой, которому иногда все-таки доставалось по попе за мелкие шалости, и вот благодаря этой счастливой кармической связи мы теперь снова рядом друг с другом, правда, в этой жизни нас сблизает не кровное родство, а наш друг Тэдди и его страстная любовь к буддийской философии, так?

Лама Джон радостно смеется.

МАКСИМИЛЬЯН. Позволь, я ему отвечу, лама Джон. Дорогой друг Фрэнк. У тебя есть потрясающий талант и умение все выворачивать наизнанку. Буддийское учение говорит лишь о том, что за миллионы лет существования живые существа появлялись в этом мире в своих самых разных перевоплощениях, в том числе мы приходили сюда и как женщины, и как мужчины, мы были отцами и матерями, сестрами и братьями, мужьями и женами. И буддийское учение говорит о том, что за миллионы лет перевоплощений каждое существо хоть однажды да являлось нам либо матерью, либо женой, либо сыном. Все живые существа были нам хоть однажды матерями. И это говорится для того, чтобы воспитать в человеке сострадание и любовь ко всем живым существам, потому что если ты, дорогой Фрэнк, будешь видеть в своем конкуренте по бизнесу не только врага, но прежде всего существо, которое когда-то было твоей матерью, то твое отношение к нему будет совсем другим.

САЛЛИ. И его бизнес просто развалится.

Все, кроме Максимильяна, смеются.

ФРЭНК. Молодчина, Салли. Как всегда, попала в самую точку.

МАКСИМИЛЬЯН. Он развалится, Салли, только потому, что сейчас он держится на таких столпах, как страх, зависть, гордыня, высокомерие и хитрость. А если бы его бизнес был построен на любви, открытости, честности и уважении к другому человеку, на отношении к другому человеку как к своей матери, то и в ответ он получил бы точно такое же отношение от своего конкурента, и бизнес тогда был бы совсем другим, и мир тогда тоже был бы совсем другим.

ФРЭНК. Моя матушка, Максимильян, самая паршивая сучка из всех, каких я когда-либо знал. И если бы я относился к тебе так, как я отношусь к ней, то мы вряд ли бы сейчас вместе потягивали виски из бокалов и мило болтали бы обо всей этой буддийской ерунде. Если я и способен хоть немного любить людей, то только потому, что все свое детство, глядя на то, какими мерзкими сволочами были мои мать и мой отчим, я всеми силами старался быть не похожим на них.

ЛАМА ДЖОН. Но тибетцы и индусы, Фрэнк, иначе относятся к своим матерям. Они почитают своих матерей, какими бы они ни были. Для них мать – это то, что дает им рождение, то, что дает им жизнь, а значит, то, что божественно и сакрально. Отсюда

и родилась эта моральная притча о том, что во всех живых существах нужно всегда видеть свою мать.

ФРЭНК. Хорошо, лама Джон, если моей матушкой в прошлой жизни был ты, то я готов тебя почитать. Но скажи, а не мог бы ты сейчас поцеловать меня в мою детскую розовую попку, по старой кармической памяти, из, что называется, настоящей материнской любви?

ЛАМА ДЖОН. Ах, Фрэнк. Но ведь вся проблема в том, что твоя дряхлая задница давно уже не является детской розовой попкой, о которой ты тут говоришь. Да и сам ты, Фрэнк, младенец далеко не первой свежести.

ФРЭНК. Вот, черт, боюсь, что здесь ты прав, дружище! И все-таки я люблю тебя, лама Джон.

ЛАМА ДЖОН. И я тоже тебя люблю, Фрэнк.

Лама Джон и Фрэнк заключают друг друга в объятия.

САЛЛИ. Ну, я надеюсь, что тема сегодняшнего вечера наконец-то закрыта.

ДЭВИД. А какая у вас сегодня была тема вечера?

САЛЛИ. Попки, Дэвид. Эту тему сегодня весь вечер пытался обсуждать твой друг Фрэнк.

ТЭДДИ. Ну а теперь, может быть, мы перейдем к верхней части человека, к голове? Давайте-ка очистим наши головы, друзья, от накопившегося в них мусора. Как насчет того, чтобы нам всем налить себе по стаканчику виски и выпить за Дэвида, самого лучшего человека на земле.

ФРЭНК. Вот! В самую точку, Тэдди. Я уже иду к столику, чтобы всем налить.

МАКСИМИЛЬЯН. Прекрасная мысль. Моя голова просто нуждается в немедленном очищении.

БЭТТИ. Да, я бы тоже выпила немного виски, хотя бы один глоток.

ФРЭНК. Нет, Бэтти, не нужно. Алкоголь и наркотики больше тебя не касаются, мы же договорились.

БЭТТИ. Ну, только один глоточек.

ФРЭНК. Нет.

САЛЛИ. Надо же, какой ты строгий папочка, Фрэнк.

ФРЭНК. Не начинай, Салли.

САЛЛИ. Это не я начинаю, Фрэнк.

БЭТТИ. И все-таки я выпью один глоточек. Всего один, Фрэнк, не будь занудой, я прошу тебя.

ТЭДДИ. Друзья! Подходите все, кто хочет выпить.

Все идут к маленькому столику со спиртным, берут стаканы, Фрэнк разливает виски из бутылки.

ТЭДДИ. Дэвид, ты, надеюсь, выпьешь за себя?

ДЭВИД. Я выпью за вас, и, пожалуй, что я даже слегка напьюсь.

ФРЭНК. Салли, ты пьешь за Дэвида?

САЛЛИ. Ну конечно, и можешь налить мне чуть больше, чем полстакана.

ТЭДДИ. Может, и ты хоть один раз выпьешь с нами, лама Джон?

ЛАМА ДЖОН. Я всегда с вами, но я выпью сок.

ФРЭНК. Лама Джон, как всегда, верен своим буддийским идеалам, поэтому его бойфренд Максимилян пьет и нюхает за двоих, я правильно понял, тебе двойную порцию, Макси?

МАКСИМИЛЬЯН. Пожалуй, что я сегодня, как и Дэвид, слегка напьюсь.

ТЭДДИ. За тебя, Дэвид. Ты из нас правда самый лучший. Я действительно так считаю и уверен, что все остальные думают точно так же.

САЛЛИ. Дэвид, ты самый лучший.

МАКСИМИЛЬЯН. Ты лучший, Дэвид.

ФРЭНК. За тебя, Дэвид.

БЭТТИ. За самого лучшего Дэвида в мире.

ЛАМА ДЖОН. Харе Кришна!

Все пьют.

Вдруг дверь в комнату открывается и входит Элизабет. Все оборачиваются и смотрят на Элизабет.

8-я сцена

Гостиная в доме Тэдди. Все те же и Элизабет.

ЭЛИЗАБЕТ. Добрый вечер. Извините, что пришла без приглашения, но я искала Дэвида, дома его не оказалось, и я подумала, что он, наверное, здесь. Так оно и вышло. Дэвид, мне очень нужно поговорить с вами. Не могли бы вы уделить мне несколько минут, я не займу у вас много времени, всего пять минут и не больше?

ДЭВИД. Ну вообще-то я сейчас не очень готов для серьезных разговоров.

ЭЛИЗАБЕТ. Обещаю, что это не займет больше пяти минут.

ДЭВИД. Ну хорошо, конечно, я к вашим услугам, Элизабет.

ЭЛИЗАБЕТ. Простите, что забыла поздороваться. Всем добрый вечер.

ФРЭНК. Добрый вечер, Элизабет. Мы все очень рады, что ты зашла, особенно Тэдди, не так ли, Тэдди?

ТЭДДИ. Добрый вечер, Элизабет. Прекрасно, что ты решила зайти. Позволь мне предложить тебе виски, мы пьем за Дэвида, за самого лучшего человека на земле.

ЭЛИЗАБЕТ. Спасибо, но я так и не смогла приучить свой организм к алкоголю. Даже к столовому вину. И потом, я действительно пришла только для того, чтобы поговорить с Дэвидом, поэтому можно я украду его у вас буквально на несколько минут?

ФРЭНК. Прежде чем поговорить с Дэвидом, ты должна выпить за Дэвида, потому что мы сегодня все пьем за него. Так что, может, все-таки глоточек виски?

ЭЛИЗАБЕТ. Я выпью воды.

ЛАМА ДЖОН. Могу предложить вам сок, апельсин с грейпфрутом, абсолютно натуральный продукт.

ЭЛИЗАБЕТ. Да, я выпью сок, благодарю вас.

Лама Джон идет к столику, на котором стоят напитки, чтобы налить Элизабет сок.

БЭТТИ. Вау! Какое у тебя красивое платье, Элизабет, где ты его купила, или это тебе сшили специально на заказ?

ЭЛИЗАБЕТ. Я шью сама. Это моя работа. Я принимаю заказы и шью на дому, этим я и зарабатываю себе на жизнь.

САЛЛИ. Все мои подруги просто ахнули, когда я пришла в той кофточке, которую мне месяц назад сшила Элизабет. Они подумали, что это вещь из коллекции Грига Стейлера, и очень удивились, узнав, что это не так, а еще больше они удивились, узнав, сколько она стоит. Тебе определенно нужно поднять цену, дорогая, минимум в два раза, поверь мне.

БЭТТИ. А, ты говоришь о такой зеленой шерстяной блузе с короткими широкими рукавами? Это правда шедевр. Я бы тоже заказала себе что-нибудь в этом стиле.

САЛЛИ. Нет, та зеленая блуза была действительно от Грига Стейлера. В кофточке, которую мне сшила Элизабет, я сюда еще ни разу не приходила.

ЭЛИЗАБЕТ. Я шью очень обычные вещи, их вряд ли можно сравнивать с вещами из мира настоящей моды, тем более с вещами от Грига Стейлера.

Лама Джон подает Элизабет сок.

ЛАМА ДЖОН. Апельсиново-грейпфрутовый сок, прошу вас.

ЭЛИЗАБЕТ. Спасибо. Ваше здоровье, Дэвид. Я присоединяюсь к общему тосту и пью за вас.

ДЭВИД. Я очень тронут, Элизабет. И я готов идти. Предлагаю нам пойти в сад, там сейчас свежо и пахнет цветами. Только я налью себе немного виски, если вы не возражаете.

ФРЭНК. Вот! Вот чего хочет мой измученный организм, он хочет свежести и запаха цветов. Он хочет в сад. Послушайте, а не лучше ли нам всем выйти в сад, оставив наших переговорщиков в этой душной комнате? В конце концов, нас больше и мы здесь находимся уже целый вечер, и нам просто необходимо подышать свежим воздухом, потому что от ламы Джона так нестерпимо пахнет каким-то маслом, что я больше ни минуты не могу находиться с ним рядом. Я иду в сад.

Фрэнк выходит из комнаты.

БЭТТИ. Да! Это прекрасная идея. Я тоже хочу в сад.

САЛЛИ. Да, сад, это звучит очень заманчиво. Пожалуй, я тоже не прочь подышать свежим воздухом.

ТЭДДИ. Простите нас, Дэвид и Элизабет, но, похоже, что в сад сейчас идем мы. А вы к нам потом присоединитесь, договорились?

ДЭВИД. Мы к вам присоединимся, договорились.

ЭЛИЗАБЕТ. Дэвид сможет присоединиться к вам уже через пять минут.

ЛАМА ДЖОН. Элизабет, если вы захотите еще сока, то он вон на том столике.

ЭЛИЗАБЕТ. Спасибо.

МАКСИМИЛЬЯН. Ну в сад так в сад. Ведь Фрэнк всегда лучше знает, что нам на самом деле нужно.

Все выходят из комнаты. Дэвид и Элизабет остаются вдвоем.

9-я сцена

Гостиная в доме Тэдди. Элизабет и Дэвид вдвоем.

ЭЛИЗАБЕТ. Дэвид, послушайте, что я вам скажу. Не перебивайте и не задавайте вопросов, пока я не закончу. Просто послушайте, что я вам скажу, и все. Это займет меньше пяти минут. Ничего не отвечайте, просто слушайте.

Дэвид одним глотком выпивает свой виски, ставит пустой стакан на пол, идет к креслу, на котором сидел лама Джон, садится в кресло, смотрит на Элизабет.

ЭЛИЗАБЕТ. В современном обществе, Дэвид, для мужчины кажется абсолютно нормальным состоянием быть несчастным. Мужчины даже не осознают того факта, что

они действительно позволяют себе жаловаться на жизнь. Современный мужчина может сказать: «Я чувствую себя потерянным». Современный мужчина позволяет себе стонать и жаловаться на свое здоровье. Он действительно признает себя больным. Современный мужчина может сказать: «Я себя плохо чувствую», современный мужчина может сказать: «Я устал, я потерял смысл жизни, мне трудно». Современный мужчина действительно очень часто стал повторять, что ему трудно. Мужчины, Дэвид, сегодня считают это нормальным – быть несчастным и жаловаться на жизнь. Мужчины сегодня считают приемлемым говорить: «Я боюсь». Современный мужчина не стыдится страха. Мужчины стали считать страх нормальным состоянием для жизни. Для современных мужчин стало абсолютно нормальным болеть, быть слабыми, быть капризными и несобранными. Потому что современный мужчина уверен, что он так устроен, что так вообще устроен человек. Но ведь на самом деле мужчины устроены совсем не так, Дэвид. Мужчина, Дэвид, должен быть всегда собран, всегда сосредоточен на главном. Его ум ясен. Его намерения предельно точны. Каждое движение мужчины выверено. Он точно знает, чего он хочет. Для мужчины невозможно признаться в слабости и трусости. Мужчина не должен позволять страху овладеть собой. Мужчина не говорит о своей усталости и не сообщает окружающим о своем бессилии. Потому что он всегда полон сил, а если силы покидают его, то он не стонет и не жалуется, а восстанавливает свою силу при помощи специальных средств, которыми он владеет. Мужчина всегда полон решимости, Дэвид. Ум мужчины чистый и ясный, потому что ему постоянно нужно принимать решения. И все решения, которые он принимает, они четкие и выверенные, потому что они исходят из сердца и из интуиции. Поэтому мужчина всегда собран. Мужчина всегда готов. Мужчина не может быть жестоким, потому что он чувствует свою внутреннюю силу. Мужчина – это тот, кто никогда ничего не требует, но всегда благодарен. Мужчина берет то, что он хочет, не насилием, а внутренней силой. Мужчина отличает силу от насилия. Мужчина не может быть слабым, потому что он знает, что сила не в мышцах, не в мускулах, а в концентрации и предельной точности. Мужчина всегда точен. Мужчина не обсуждает путь, а идет по пути. Мужчина не говорит: «В моей жизни нет смысла» или: «Все вокруг переменчиво и нет ничего постоянного в этом мире». Мужчина никогда не жалуется, потому что ему не на что жаловаться. Для мужчины смысл жизни всегда ясен, потому что этот смысл и есть его жизнь. Для мужчины смысл в жизни – быть настоящим человеком, а быть настоящим человеком – это значит быть точным, собранным, сконцентрированным и предельно открытым. У мужчины открыто сердце и открыт ум. Мужчина всегда на своем месте, он всегда в своем сердце, но при этом его сердце открыто, все его двери распахнуты настежь. Однако, хотя его двери и открыты, но при этом сам он всегда защищен и в него невозможно проникнуть тому, кто имеет нечистые помыслы. Мужчина всегда защищен сам, и он готов защитить свою семью, своих детей и свою жену. Сердце и душа мужчины открыты, но у него всегда есть защита, и он не позволит ничему дурному проникнуть в его дом. Мужчина не думает, а делает. Его мысли всегда соединены с его делами. Все его движения точны, его жесты выверены. Мужчина никогда не жалуется, ему не на что жаловаться, потому что трудности – это и есть смысл его жизни. Настоящий мужчина не может страдать и позволить страданию проникнуть в его сердце. Потому что страдание вызывает жалость к себе, а жалость к себе порождает страх, а страх, Дэвид, не позволяет

мужчине видеть вещи такими, какие они есть, страх держит мужчину в плену и искажает подлинный смысл его жизни. Поэтому мужчина не позволяет страданиям захватить себя, ум мужчины занят его семьей и получением знания, а не рефлексией и жалостью к самому себе. У мужчины нет времени страдать и плакать, ему нужно идти и быть очень внимательным, чтобы не свернуть в сторону и не потерять путь. Мужчина всегда должен быть внимательным, он само внимание. И он должен быть нежным. Даже грубый мужчина должен уметь быть нежным. И главное, Дэвид, мужчина должен уметь сильно и глубоко любить. Мужчина должен любить, Дэвид. Потому что только имея любовь, можно защищать, только имея любовь, можно помогать. Нет времени для жалоб и слез, Дэвид. У мужчины нет времени на горе и страдание, потому что у него так много других дел. Ему нужно любить, ему нужно развивать свое видение, ему нужно идти вперед и вести за собой свою семью, или свой народ, или себя самого... Ему нужно защищать, ему нужно оберегать, ему нужно знать, ему нужно открываться для знания и получать знание. Ему нужно учиться, ему нужно быть готовым умереть в любую секунду. Мужчине нужно обрести целостность и сохранять эту целостность до самой смерти. Потому что только целостному человеку есть смысл умирать. А пока ты не целостный, ты не готов умереть. Так как, если ты не целостен, после смерти ты разлетишься на мелкие части, и уже никто не в силах будет собрать тебя. Мужчина должен забыть о вялости, усталости и болезнях. Он должен встать, поднять голову, почувствовать в своем сердце подлинную радость, почувствовать в своем сердце свет и любовь. Он должен твердо встать на ноги и сделать первый шаг. Мужчина, Дэвид, должен идти. А «есть что-нибудь постоянное в этом мире или нет?» или «в чем смысл жизни?» – это вопросы, ответы на которые мужчина получает в виде жизненного опыта, а не в виде теорий, концепций и слов. Потому что для настоящего мужчины ответом на его вопрос является опыт, который он переживает, а не слова, которые слышат его уши. Опыт – это то, что с тобой происходит, опыт – это то, что по-настоящему есть. Мужчина не верит, мужчина знает. Жизнь мужчины – это и есть его вопрос и его ответ. Вот, собственно, и все. Вот это я и хотела вам сказать, Дэвид.

Элизабет достает из сумочки конверт и кладет на край дивана.

ЭЛИЗАБЕТ. Там, внутри конверта, на бумаге, записан мой номер телефона и мой адрес. Если я буду нужна вам, то звоните или приходите. Сама я больше не стану к вам приходить. Спасибо, что выслушали меня, Дэвид. До свидания.

Элизабет уходит. Дэвид сидит молча.

10-я сцена

Гостиная в доме Тэдди. Дэвид сидит в кресле, где он и сидел, когда слушал Элизабет. В комнату входит Салли. Она пьяна и явно чем-то возмущена.

САЛЛИ. Дэвид! Твой друг Фрэнк окончательно сошел с ума, он перешел все допустимые нормы и границы. Необходимо срочно принимать меры. Фрэнк в беде, он серьезно болен. Я намерена действовать очень решительно. Мне нужна твоя поддержка, Дэвид.

ДЭВИД. Что случилось, Салли?

САЛЛИ. Он только что признался, что эта сучка, его любовница Бэтти, ждет от него ребенка. Мой муж Фрэнк готовится стать молодым отцом, Дэвид. Я считаю, что нужно действовать, ведь нельзя же вот так вот сидеть сложа руки, необходимо что-то предпринять, нужно как-то помочь Фрэнку, нужно вытащить его из беды, нужно его спасти, Дэвид. Я готова пойти на самые радикальные меры, чтобы остановить это надвигающееся на нас безумие.

ДЭВИД. Тебе нужно успокоиться, Салли. Хочешь глоток виски?

Дэвид подходит к Салли, обнимает ее.

САЛЛИ. Нет, я уже и так пьяна в стельку.

ДЭВИД. А ты уверена, что это правда, Салли, может, Фрэнк все это выдумал специально, чтобы позлить тебя?

САЛЛИ. Все это правда, Дэвид. Я еще неделю назад заметила, что с Фрэнком что-то не так. Все эту неделю он пьет и ведет себя по-свински.

ДЭВИД. Но ведь Фрэнк всегда ведет себя по-свински, сколько я его помню, он всегда был свиньей в хорошем смысле этого слова.

САЛЛИ. Нет, эту неделю он ведет себя совсем по-другому, Дэвид. Он ведет себя со всеми очень жестоко. Фрэнк всегда был свиньей, но он никогда не был таким жестоким. И тем более он никогда не был таким жестоким со мной. А сейчас он позволяет себе такие вещи! Он оскорбляет меня, он подвергает меня унижениям, он повсюду таскает за собой эту дуру Бэтти и везде рассказывает о том, что она его любовница. Он в страшной беде, Дэвид. Ему нужна помощь. Его нужно спасать, иначе он окончательно погрязнет во всем этом и пропадет. Короче говоря, я считаю, что все это нужно срочно прекратить, Дэвид. Этому всему нужно положить конец, и чем быстрее, тем лучше. Поэтому я решила убить Фрэнка, Дэвид. Я решила отравить его, подсыпать ему в виски смертельного яду. И сделать это нужно как можно быстрее, я думаю, что сегодня же ночью. Я насыплю яду во все бутылки виски в нашем доме, и когда Фрэнк придет домой, то перед сном он обязательно захочет сделать свой «контрольный глоточек», так он его называет – «контрольный глоток», и вот на этом «контрольном глотке» все это его безумие прекратится. Не сомневаюсь, что это самый лучший выход из сложившейся ситуации. Так будет лучше и для меня, и для всех нас, и для Фрэнка.

ДЭВИД. Да, особенно для Фрэнка так, несомненно, будет лучше! Давай-ка я отвезу тебя домой, Салли. Тебе нужно как следует проспаться, прийти в себя. А завтра вы с Фрэнком обсудите все на чистую голову. Поедем, Салли. И заодно я попрошу вашего водителя, чтобы он потом довез и меня до моего жилища. Поехали, Салли. Не нужно с ними прощаться, просто уйдем, и все, уверен, что никто на нас за это не обидится. Идем, Салли.

Дэвид берет Салли за руку и ведет ее к выходу. Салли идет, слегка пошатываясь. Она то и дело останавливается, обращаясь к Дэvidу.

САЛЛИ. У меня дома есть яд. Очень сильный яд. И этого яда у меня очень много. Очень, очень много. Я насыплю его во все бутылки виски и остановлю это надвигающееся на нас безумие.

ДЭВИД. Откуда у тебя яд, Салли?

САЛЛИ. У каждой приличной женщины есть яд, Дэвид. Отпусти мою руку, мне больно.

ДЭВИД. Извини.

Дэвид отпускает руку Салли. Салли встряхивает руку. Делает громкий волевой выдох. И, пошатываясь, идет к выходу.

САЛЛИ. Ладно, идем, Дэвид. Слишком много добра скопилось в этом мире в последнее время, слишком много добра, Дэвид. Сильный перевес добра над злом, огромный крен в добрую сторону. Пора бы восстановить баланс.

ДЭВИД. Тебе нужно выспаться, Салли, идем скорее.

САЛЛИ. Пора бы восстановить баланс.

Салли и Дэвид уходят.

11-я сцена

Гостиная в доме Тэдди. Входит Фрэнк. Он крадется, как вор, забравшийся в квартиру, при этом его сильно шатает из стороны в сторону, потому что Фрэнк очень пьян. Фрэнк осматривается по сторонам, убеждается, что в комнате никого нет, и потом загадочно машет рукой в сторону двери, ведущей в сад. Оттуда, также крадучись, один за другим выходят Тэдди и Максимильтян, они тоже очень пьяны, за ними выходят трезвые лама Джон и Бэтти. Все ступают очень осторожно. Фрэнк жестами показывает остальным, чтобы они вели себя как можно тише.

БЭТТИ. Что мы делаем, Фрэнк, зачем все это?

Фрэнк приставляет палец к губам, показывает Бэтти, что нужно молчать.

ФРЭНК. Тсс! Тише, ты можешь привлечь внимание, а это нам сейчас совсем ни к чему.

БЭТТИ. Чье внимание, Фрэнк? Перестань дурачиться. Можно, я не буду в этом участвовать, мне тяжело ходить на цыпочках, я устала?!

ФРЭНК. Тсс! Тише. Всем слушать мои команды. Тэдди, ты проверь в прихожей, только тихо. Макси, ты посмотри под диваном и шкафом и еще хрен знает где. А ты, лама Джон, ложись на пол и молись своему богу Будде, чтобы все закончилось благополучно.

Тэдди встает на четвереньки и ползет в прихожую. Максимильтян ложится на живот и ползет по полу в сторону шкафа. Бэтти нормальным шагом идет к дивану и садится на диван. Лама Джон улыбается Фрэнку, но не выполняет его приказание, а спокойно садится в кресло, поджав ноги под себя, принимая свою обычную позу Будды.

ФРЭНК. Будьте внимательны. Она очень хитрая и коварная личность. Она нас всех обведет вокруг пальца. Не верьте ничему, что она вам тут понараскажет. Это все ее хитрые уловки и вранье.

Из гостиной, уже на ногах, сильно шатаясь, возвращается Тэдди.

ТЭДДИ. В коридоре никого нет, сэр. Правда, я не до конца понимаю, кого мы ищем. А где, собственно, Дэвид?

Максимильян выползает из-за дивана и, пытаясь подняться на ноги, не удерживает равновесие и падает.

МАКСИМИЛЬЯН. Под шкафом пустота и тишина, Фрэнк.

ФРЭНК. Пустота – это по твоей части, лама Джон, ты же у нас специалист в области пустоты.

Максимильян снова падает. Лама Джон идет к Максимильяну, помогает ему подняться, отводит его на диван. Максимильян падает на диван. Лама Джон возвращается на свое место.

БЭТТИ. А где Салли, она что, уже уехала?

ФРЭНК. Вот! Вот в этом-то все и дело. Мне кажется, что да. Салли уехала! А если это так, то мы можем свободно вздохнуть и выпить еще по глоточку, если в этом есть какой-нибудь смысл.

ЛАМА ДЖОН. Мне кажется, Фрэнк, в этом нет никакого смысла.

БЭТТИ. Я тоже так считаю, дорогой. Тебе уже хватит.

ФРЭНК. Мы еще не поженились, а она уже командует, вы посмотрите-ка!

БЭТТИ. Я не командую, Фрэнк, я просто высказываю свое мнение, вот и все.

ФРЭНК. Валяй. Ты имеешь на это право. Ты мать моего будущего ребенка. Который в прошлой жизни наверняка был моим отцом. Правильно я говорю, лама Джон?

ЛАМА ДЖОН. Тебе виднее, Фрэнк. Если я главный специалист по пустоте, то ты, несомненно, главный специалист по перерождениям.

ТЭДДИ. Это правда! Фрэнк – главный специалист по рождениям! Ни у кого из нас нет детей. У Дэвида и Мэрил нет. У меня нет. У Максимильяна, ясно дело, что нет. Короче говоря, ты из нас первый, Фрэнк, кто станет отцом. Вот такие дела.

БЭТТИ. Да хватит уже, Фрэнк, скажи им. Я больше не могу слушать всю эту чушь.

ФРЭНК. Что ты называешь чушью, рождение нашего будущего малыша? Ты назвала чушью моего сынишку Адольфа. Вот! Вот я и подобрал ему имя. Его будут звать Адольф. В честь Адольфа Гитлера... Шутка. Его будут звать Далай. В честь далай-ламы. А что? По-

моему, редкое и звучное имя – Далай? А, лама Джон, тебе будет приятно целовать в попку малыша по имени Далай?

БЭТТИ. Ну хватит, Фрэнк, я устала от всего этого. Нет никакого ребенка. Я не беременна, он специально все это придумал, чтобы позлить Салли. Но Салли уехала, так что можно прекратить этот бессмысленный театр.

ТЭДДИ. Ну ты и свинья, Фрэнк! А я ведь тебе поверил, вот черт!

ЛАМА ДЖОН. Да, я тоже в это поверил. Ну ты даешь, Фрэнк!

ФРЭНК. Да я и сам в это поверил, так что мы все тут в дураках.

Фрэнк начинает истерически хохотать. Он хохочет как сумасшедший. Никто больше не смеется. Все молча смотрят на Фрэнка. Наконец Фрэнк успокаивается.

ФРЭНК. А где Дэвид?

ТЭДДИ. Здесь его нет, значит, от уехал.

ФРЭНК. Вот черт, а жаль. Впрочем, мне, кажется, тоже пора домой.

Фрэнк, шатаясь, подходит к ламе Джону.

ФРЭНК. Дай я обниму тебя, моя милая мамочка из прошлой жизни.

Фрэнк и лама Джон обнимаются.

ЛАМА ДЖОН. Я тоже тебя люблю, Фрэнк.

Фрэнк подходит к Максимилиану, но тот спит, развалившись на диване.

ФРЭНК. Спи, дорогой друг, отдыхай. Жизнь трудная штука и требует много сил, а в особенности твоя, дружище. Я люблю тебя.

Фрэнк посылает Максимилиану воздушный поцелуй.

ФРЭНК. Лама Джон, передай своему другу все эти слова, которые я только что произнес.

Фрэнк идет к Тэдди.

ФРЭНК. До скорого, дружище.

ТЭДДИ. Давай я провожу тебя до дома, Фрэнк?

БЭТТИ. Да нет, все в порядке, я справлюсь сама.

ФРЭНК. Никто меня не проводит, друзья мои. И даже ты, Бэтти, потому что я поеду к себе домой. В тот дом, где Салли. В тот дом, где я и Салли, где мы жили с ней все эти годы. Водитель Тэдди меня отвезет, да Тэдди?

ТЭДДИ. Разумеется, Фрэнк. Машина под домом.

БЭТТИ. Ты что, оставишь меня одну, Фрэнк? После того, что ты тут сегодня устроил, ты собираешься вернуться к Салли, после того, как ты устроил ей такое, ты снова хочешь к ней вернуться?

ФРЭНК. Я пока еще живу там, в том доме, дорогая моя. Я возвращаюсь к своим вещам, к своим майкам и носкам, к своим утренним бутербродам и своему виски. Но завтра я тебе позвоню, и мы снова что-нибудь придумаем.

Фрэнк прижимает Бэтти к себе.

ФРЭНК. Знаешь, по кому стучит это сердце, как сказал старина Хэм? Это сердце стучит по тебе, Бэтти.

Фрэнк целует Бэтти в лоб и уходит.

Бэтти идет к дивану, устало садится на диван рядом со спящим Максимильяном. Максимильян резко вскрикивает, он подпрыгивает на диване, сильно перепугав Бэтти.

БЭТТИ. А-а-а-а!!!

МАКСИМИЛЬЯН. Фрэнк! Фрэнк, ты где, с тобой все в порядке, Фрэнк?

ЛАМА ДЖОН. Фрэнк только что уехал домой, Макси, а что случилось?

МАКСИМИЛЬЯН. Фрэнк только что приснился мне абсолютно мертвым. Мне приснилось, что Фрэнк явился ко мне весь в крови, он сказал, что его зарезал Тэдди за то, что он когда-то увел у него жену, увел у него Салли.

ТЭДДИ. Какая чушь, Макси, тебе вообще нельзя пить, дорогой мой.

МАКСИМИЛЬЯН. Но главное, Джон, он сказал, что ему открылась тайна наших с тобой следующих перерождений. Он сказал, Джон, что за нашу любовную связь мы с тобой переродимся в нижнем аду, потому что мы перестали понимать о себе, кем мы в действительности являемся – женщинами или мужчинами. Мы ни те и ни другие, Джон, и за это, по мнению мертвого Фрэнка, мы с тобой обязательно переродимся в аду.

ТЭДДИ. Господи боже мой, какой бред!

БЭТТИ. А вы что, и правда гомосексуалисты, а я думала, что Фрэнк меня разыгрывает?

МАКСИМИЛЬЯН. Это было так отчетливо. Что ты об этом думаешь, Джон?

ЛАМА ДЖОН. Это плохой знак, Макси. Это плохой знак.

Лама Джон и Максимильян не на шутку встревожены.

12-я сцена

Квартира Дэвида. В комнате Дэвид и Мэрил.

ДЭВИД. Я всегда хотел спросить тебя, Мэрил. Всегда хотел спросить тебя, но так почему-то и не спросил. Не успел спросить. Странно, почему я этого не сделал? Наверное, я боялся. Я все время откладывал этот вопрос. Но вот сейчас я хочу спросить тебя, скажи, за все эти годы, за все эти пятнадцать лет, что мы прожили вместе, было ли что-нибудь такое, о чем ты мне не рассказывала, Мэрил? Я имею в виду, есть ли между нами что-то, о чем я не знаю? Что-то очень значительное, разумеется? Что-то, что ты от меня скрывала, о чем ты не хотела мне рассказывать? Или, может быть, что-то, о чем ты хотела бы рассказать, но не смогла?

Пауза.

МЭРИЛ. А у тебя, Дэвид? Есть у тебя что-нибудь, о чем ты не рассказал мне?

ДЭВИД. Окей. И хотя это очень вежливо, когда отвечают вопросом на вопрос, тем не менее я скажу тебе. Нет, Мэрил. В моей жизни не случилось ничего такого, о чем ты бы не знала, но о чем тебе следовало бы знать. Правда, я никогда не рассказывал тебе о любовных похождениях Фрэнка, но это был не мой секрет, а его, и я не думаю, что тебе вообще было бы это интересно. Вот, Мэрил. Я ответил на твой вопрос, теперь твоя очередь.

Пауза.

МЭРИЛ. Прости, Дэвид, но можно, я задам тебе еще один вопрос?

ДЭВИД. Еще один вопрос?

МЭРИЛ. Да.

ДЭВИД. Тебе трудно мне отвечать, Мэрил? Значит, тебе есть что мне рассказать?

МЭРИЛ. Для того чтобы ответить, мне нужно спросить, Дэвид.

ДЭВИД. Ну хорошо, Мэрил, спрашивай. Я тебе отвечу.

МЭРИЛ. Как ты думаешь, Дэвид, для чего мужчина и женщина нужны друг другу, для чего нужна любовь между ними, или, точнее, я спрошу так: есть ли еще какая-то причина, кроме продления рода, есть ли еще причина, по которой мужчина и женщина нужны друг другу, кроме того, чтобы рожать детей?

ДЭВИД. Да, Мэрил, конечно, есть.

МЭРИЛ. Что это за причина, Дэвид?

ДЭВИД. Это любовь.

МЭРИЛ. И все?

ДЭВИД. А по-твоему, любовь – это недостаточная причина, чтобы мужчина и женщина были вместе?

МЭРИЛ. Любовь, Дэвид?

ДЭВИД. Да, Мэрил, любовь.

МЭРИЛ. А что это такое, Дэвид?

ДЭВИД. Что такое любовь, Мэрил?

МЭРИЛ. Да. Что это такое – любовь?

ДЭВИД. Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, что такое любовь, Мэрил?

МЭРИЛ. Да, я хочу, чтобы ты объяснил мне, что такое любовь.

ДЭВИД. Ты что хочешь сказать, что ты не знаешь об этом? Ты хочешь сказать, что ты не знаешь, что такое любовь?

МЭРИЛ. Нет, Дэвид. Я хочу сказать, что у меня возникло такое подозрение, что ты не знаешь о том, что это такое. Мне вдруг показалось, но, возможно, я и не права, что именно ты, Дэвид, не знаешь, что это такое – любовь. Вот та вещь, о которой я тебе не рассказала. Я не рассказала тебе об этом своем подозрении насчет тебя. Хотя, возможно, я ошибаюсь и сейчас ты ответишь мне на вопрос и все объяснишь.

Пауза.

ДЭВИД. Но ведь для меня это удар, Мэрил! Ты что же хочешь сказать, что все эти годы нашей с тобой жизни ты думала, что я не люблю тебя, ты это хочешь сказать?

МЭРИЛ. Просто ответь мне на мой вопрос, Дэвид, вот и все.

ДЭВИД. Но, черт возьми, Мэрил! Ты же знаешь, что я любил и люблю тебя больше всего на свете! Ты же видишь, как я страдаю после твоей смерти, как я не могу найти себе места, я не вижу смысла в жизни, я не знаю, зачем и ради чего мне жить без тебя? Разве ты всего этого не видишь, Мэрил?! Как же ты можешь сомневаться в моих чувствах к тебе, если это вообще единственное, что у меня есть в этой жизни?!

МЭРИЛ. Вот именно поэтому, Дэвид.

ДЭВИД. Что?

МЭРИЛ. Вот именно поэтому, Дэвид. Мне кажется, что любовь не может сделать человека несчастным, любовь не может сделать человека закрытым на себе. Все, что с тобой происходит, Дэвид, все твои муки и страдания после моей смерти как раз и говорят мне о том, что тебе не пришлось испытать настоящей любви, дорогой. Если бы ты любил, Дэвид, ты бы жил в любви и был полон сил.

ДЭВИД. Постой, Мэрил, ты что, действительно так считаешь?

МЭРИЛ. Да, я действительно так считаю, Дэвид.

ДЭВИД. Ну хорошо, тогда ответь мне, что, по-твоему, это такое – любовь?

МЭРИЛ. А разве не этот вопрос я задала тебе несколько минут назад?

Пауза.

ДЭВИД. Значит, по-твоему, я не люблю тебя, Мэрил, и никогда не любил?

МЭРИЛ. Возможно, тебе еще предстоит узнать, что такое любовь, Дэвид.

ДЭВИД. К чему ты снова клонишь? Уж не к тому ли, что я должен узнать об этом от твоей Элизабет?

МЭРИЛ. Я ни к чему не клоню, дорогой мой. Я не могу ни к чему клонить, меня ведь на самом деле нет. Не забывай, что ты ведь сейчас разговариваешь сам с собой. Это в твоей голове рождаются все эти мысли, все эти вопросы и сомнения. И если здесь кто-нибудь к чему-нибудь и клонит, то это ты сам, Дэвид. Разберись сам с собой, с тем, что у тебя там внутри. А я приму тебя таким, какой ты есть. Потому что я люблю тебя и я знаю, что такое любовь, поэтому я и счастлива, Дэвид.

Раздается звонок в дверь.

ДЭВИД. О господи! Только бы это не была Элизабет.

МЭРИЛ. Почему? Ты ее боишься? Значит, она тебе нравится, Дэвид?

ДЭВИД. Нет, Мэрил, я вообще не думаю о ней как о женщине, но я действительно боюсь ее, потому что она кажется мне сумасшедшей.

Дэвид идет к двери.

МЭРИЛ. Дэвид, ты целыми днями разговариваешь со своей умершей женой, так что кто тут из вас сумасшедший, это серьезный вопрос.

ДЭВИД. Да, я, кажется, действительно не совсем в порядке. Какие-то странные мысли мне приходят в голову в последнее время. Если бы ты не умерла, Мэрил. Господи, если бы только ты не умерла, Мэрил! Все было бы совсем по-другому, если бы ты не умерла.

Дэвид идет открывать дверь.

13-я сцена

Квартира Дэвида. Дэвид один. Звенит звонок в дверь. Дэвид идет открывать. За дверью Салли. Она слегка пьяна и вообще находится в очень загадочном настроении. Салли входит в комнату, Дэвид закрывает за ней дверь.

САЛЛИ. Извини, Дэвид. Дома мне очень одиноко и страшно, можно, я посижу тут у тебя совсем немного?

ДЭВИД. Ну конечно, Салли. Ты хочешь чаю или чего-нибудь покрепче?

САЛЛИ. Ни о чем не беспокойся, дорогой, я все принесла с собой.

Салли идет к дивану, садится на диван, достает из своей сумки бутылку с виски, заполненную до половины.

ДЭВИД. Что-нибудь случилось, Салли?

САЛЛИ. Да, Дэвид, случилось.

Салли делает большой глоток из бутылки.

ДЭВИД. Ну, надеюсь, ничего ужасного?

САЛЛИ. Нет, как раз наоборот. Случилось ужасное, Дэвид. А как твои дела, как настроение, как самочувствие после вчерашнего, ты в порядке?

ДЭВИД. Я более или менее. Ну а что ужасного произошло с тобой, Салли?

САЛЛИ. Со мной пока еще ничего, Дэвид, но вот с Фрэнком... С ним, пожалуй, случилось все самое ужасное, что только могло произойти.

ДЭВИД. А что случилось с Фрэнком, Салли?

САЛЛИ. О, лучше и не спрашивай, Дэвид. Фрэнк влип в такое дерьмо, из которого ему уже никогда не выбраться. С ним просто беда, Дэвид.

ДЭВИД. Может, я могу помочь ему, что случилось?

САЛЛИ. А как ты ему поможешь, Дэвид, ты же не Иисус Христос, ты же не можешь воскрешать мертвецов?

ДЭВИД. Каких мертвецов, Салли, ты о ком?

САЛЛИ. Я о Фрэнке, Дэвид, о ком же еще? Мы же сейчас тут разговариваем о Фрэнке, не так ли?

Салли делает большой глоток виски.

ДЭВИД. Перестань напиваться, Салли. Что происходит?

САЛЛИ. Если мы все еще продолжаем говорить о Фрэнке, то я должна поделиться с тобой кое-какой новой информацией. Дело в том, что твой друг Фрэнк мертв.

ДЭВИД. Что?

САЛЛИ. Этой ночью твой друг Фрэнк пришел домой очень поздно. И несмотря на то, что он пришел домой очень пьяным, он все-таки решил выпить стаканчик этого проклятого виски. Фрэнк решил сделать последний «контрольный глоточек», так он это называет. И он взял стаканчик, достал из бара бутылку виски, налил себе в этот свой стаканчик и выпил. Сделал свой «контрольный глоточек». Но оказалось, Дэвид, что кто-то подсыпал в виски смертельного яду. И вот спустя полчаса после того, как наш Фрэнк выпил свой

стаканчик, с ним случились судороги, изо рта у него пошла пена, он упал на пол, стал извиваться, как змея на сковородке, и вскоре умер. Вот что с ним случилось, Дэвид. Хорошего, как говорится, мало.

Пауза. Салли делает большой глоток из бутылки.

ДЭВИД. Что ты говоришь, Салли? Ты в своем уме?

САЛЛИ. Нет. Конечно, я не в своем уме, Дэвид. Если бы я была в своем уме, то я бы такого не сделала, уж поверь мне. Кстати, именно это мой адвокат и будет утверждать на суде.

ДЭВИД. Салли?! Это что, все действительно так, как ты говоришь? Салли?! Ты отравила Фрэнка? Фрэнк мертв? Салли? Отвечай мне? Это что не шутка? Салли?

САЛЛИ. Это не шутка, Дэвид. Это черт вообще знает что такое!

ДЭВИД. Подожди, подожди, Салли! Объясни, что случилось? Где Фрэнк? Насколько все это серьезно, то, о чем ты говоришь?

САЛЛИ. Где сейчас находится Фрэнк, мне неизвестно, об этом лучше спросить у ламы Джона, он ведь у нас специалист по перерождениям.

Салли делает большой глоток из бутылки.

ДЭВИД. Что здесь, черт возьми, происходит, Салли, перестань напиваться, отдай мне немедленно бутылку?

Дэвид подходит к Салли, забирает у нее бутылку.

САЛЛИ. Не бойся, этот виски не отравленный, я пью его с раннего утра, и я в полном порядке.

ДЭВИД. Что ты несешь, Салли?! Ты что, правда сошла с ума? Салли, приди в себя! Ты правда это сделала? Посмотри мне в глаза и перестань кривляться! Отвечай, ты правда это сделала, Салли?

САЛЛИ. Да, я, кажется, это сделала, Дэвид. Это ужасно, Дэвид! Что я натворила?! Я сама не знаю, как это произошло. Я погибаю, Дэвид. Мне кажется, что я действительно схожу с ума. Я это сделала, Дэвид. Я убила его. Убила своего мужа. Убила Фрэнка, Дэвид. Помоги мне, пожалуйста, помоги мне. Сделай что-нибудь, спаси меня, Дэвид. Я погибаю, Дэвид. Фрэнка больше нет, все пропало.

Дэвид подходит к Салли, садится с ней рядом. Салли прижимается к нему, как маленький ребенок, и плачет. Дэвид сидит, обняв Салли, он тоже начинает плакать. Так они и сидят вдвоем на диване и плачут.

14-я сцена

Квартира Элизабет. Маленькая комната и дверь, ведущая на кухню. Комната напоминает швейную мастерскую. Повсюду куски ткани, нитки, ленты, ножницы и т. д. У окна стоит ножная швейная машинка фирмы «Зингер». За машинкой работает Элизабет.

Звенит звонок.

Элизабет встает, выходит из комнаты. Возвращается вместе с Дэвидом.

ЭЛИЗАБЕТ. Извините за беспорядок, я работаю на дому, поэтому моя квартира одновременно является и моей мастерской. Снимайте пальто и кладите прямо на кровать. Берите стул и садитесь вот здесь, у стола. А я сейчас пойду и сделаю нам чай.

ДЭВИД. Фрэнк умер сегодня ночью. Вы ведь были с ним знакомы.

Дэвид садится на стул, Элизабет присаживается на край своего швейного стола.

ЭЛИЗАБЕТ. Как умер? Но ведь я же видела его буквально прошлой ночью, он был такой веселый? Что случилось?

ДЭВИД. Произошел несчастный случай, он отравился, но не по своей воле.

ЭЛИЗАБЕТ. Как это не по своей воле? Его что, отравили?

ДЭВИД. Понимаете, Элизабет, я сейчас не могу рассказывать вам всех подробностей. Дело очень щекотливое, будет следствие, будет суд. Я просто не могу болтать лишнего, и, вы знаете, я ведь, пришел сюда совсем не за этим.

ЭЛИЗАБЕТ. О боже мой! Фрэнк был таким веселым человеком. Он был таким чувствительным и, по-моему, он был очень преданным другом, и он очень, очень любил вас, Дэвид. Как мне жаль, что все это произошло.

ДЭВИД. Мне тоже, очень, очень жаль Фрэнка. Я очень любил его... Я... Простите...

Дэвид закрывает лицо руками и плачет. Элизабет подходит к Дэvidу, гладит его по голове. Дэвид поднимает голову, встает. Элизабет и Дэвид оказываются напротив друг друга. Элизабет достает из кармана носовой платок и вытирает слезы со щек Дэвида.

ДЭВИД. Я пришел сюда, потому что я должен кое-что узнать у вас. Я хочу спросить вас о Мэрил. Вы ведь часто виделись с ней перед ее смертью, скажите мне, говорила ли Мэрил что-нибудь о том, что ей чего-то не хватает в наших отношениях? Может быть, она была чем-то недовольна? Может быть, она была недовольна мной как мужчиной или, может быть, она жаловалась на недостаточное внимание с моей стороны? Все это для меня сейчас очень важно, поэтому я прошу вас, ничего не скрывайте от меня, даже если вам придется рассказать мне что-то очень неприятное.

ЭЛИЗАБЕТ. Мэрил очень любила и ценила вас, Дэвид. Она была очень благодарна вам за все, что вы для нее делали, за то, каким вы были для нее, за то, как складывались ваши отношения. Она всегда говорила о вас с глубокой любовью и признательностью.

ДЭВИД. И это все, что вы можете мне сказать?

Пауза.

ЭЛИЗАБЕТ. А можно, я задам вам один вопрос, Дэвид?

ДЭВИД. Вопрос?

ЭЛИЗАБЕТ. Да, один вопрос.

ДЭВИД. Вы любите отвечать вопросом на вопрос?

ЭЛИЗАБЕТ. Да, чтобы ответить, мне нужно спросить.

ДЭВИД. Ну хорошо, спрашивайте.

ЭЛИЗАБЕТ. Как вы думаете, Дэвид, для чего мужчина и женщина нужны друг другу, кроме того, чтобы заводить детей? Или лучше я спрошу по-другому: а есть ли еще что-то, что объединяет мужчину и женщину в одно целое, кроме инстинкта выживания и размножения? Есть ли что-то еще, ради чего мужчина и женщина хотят быть вместе?

ДЭВИД. Откуда вы знаете?

ЭЛИЗАБЕТ. Что я знаю, Дэвид?

ДЭВИД. Откуда вы знаете, что сегодня утром я уже размышлял на эту тему, вы что, читаете мои мысли?

ЭЛИЗАБЕТ. Я не знала, что сегодня вы уже размышляли на эту тему, Дэвид, я просто спрашиваю вас о том, о чем мы говорили с вашей женой Мэрил.

ДЭВИД. А если я сейчас отвечу вам, что главное, ради чего мужчина и женщина живут вместе, – это любовь, то вы меня спросите, что это такое – любовь, правильно?

ЭЛИЗАБЕТ. Похоже, что это вы читаете мои мысли, Дэвид.

ДЭВИД. Значит, Мэрил сказала вам, что я не знаю, что такое любовь, так?

ЭЛИЗАБЕТ. А что такое любовь, Дэвид?

ДЭВИД. Теперь мне кажется, что я и правда этого не знаю.

ЭЛИЗАБЕТ. И это единственное, что так сильно беспокоило Мэрил в этой жизни. Она страдала оттого, что вам с ней так и не удалось испытать на себе всю силу настоящей любви.

ДЭВИД. Тогда что это такое – любовь?

ЭЛИЗАБЕТ. Мне кажется, что любовь между мужчиной и женщиной – это только дверь, через которую можно войти. Но самое главное находится там, за этой дверью. Понимаете, когда мужчина и женщина живут друг с другом ради только любви друг к

другу, то рано или поздно у них все равно обязательно наступает кризис, и тогда одни пары расстаются, а другие переходят на более формальное общение, для того чтобы сохранить семью. Но мало кто использует любовь как вход в совершенно новое, бесконечное пространство. Главный секрет любви, как мне кажется, заключается в том, что она ни к чему не привязывается, она ни от чего и ни от кого не зависит. Любовь – это океан, внутри которого миллионы живых существ, и все одинаково погружены в воды этого океана. Любовь не связана с одним предметом, она не может быть только к одному человеку, но она и к одному, и ко всем, она и здесь, и повсюду, она и к женщине, и к мужчине, и ко всей вселенной одновременно.

ДЭВИД. Невозможно любить вселенную, Элизабет. Как правило, такими высказываниями люди стараются оправдать свою безответственность. Легко любить вселенную, но трудно любить одного конкретного человека.

ЭЛИЗАБЕТ. Когда любишь, Дэвид, то такие вопросы уже не возникают. Этот вопрос есть только у того, кто еще не испытал всей силы и полноты любви. Когда любишь, Дэвид, то мир уже не является чем-то отдельным от тебя самого, но ты и есть весь этот мир. Настоящая любовь – это когда больше нет никаких разделений, когда больше нет никаких противостояний. Не двое любят друг друга, а целый мир, целая вселенная находится в любви. Любовь – это не стремление, не желание чем-то обладать, любовь – это пространство, из которого все состоит. Любовь – это полнота, это отсутствие потребности. Когда любишь, то уже не ищешь любви, когда любишь, то уже не желаешь, чтобы это было еще сильнее, потому что когда любишь, то становишься тем, что ты любишь, становишься самой любовью. Тот, кто любит, тот и есть любовь. Любить – значит быть любовью и распространяться на все вокруг. Любить – это значит перестать быть всем остальным, кроме любви. Любовь – это пространство, в которое тыходишь и растворяешься в нем навсегда. Любовь – это то, что соединяет тебя со всеми. Любовь не имеет видов и категорий. Любовь одна и у мужчин, и у женщин, и у природы, которая нас окружает, и у всей вселенной. Любовь – это и есть вселенная. Открыть в себе любовь – это значит открыть в себе вселенную, это значит стать вселенной. Любовь – это территория, на которой мы все находимся, все одновременно и все вместе. Любовь – это воздух, которым мы все дышим, любовь – это вещество, из которого мы все состоим. Открывая любовь в себе, мы открываем и то, что та же самая любовь есть во всех других. Во всех без всяких исключений, Дэвид. Однако мало кому удастся это ощутить. Но ведь на самом деле мужчина и женщина встречаются лишь для того, чтобы вначале испытать любовь друг к другу, испытать влечение, испытать желание, но потом у них появляется шанс, помогая друг другу, все сильнее и сильнее открывать в себе это состояние любви, погружаться в него все глубже и глубже, расширять это пространство настолько, насколько у них хватает сил, и тогда их любовь может перейти из обычной привязанности в необыкновенное по силе чувство, которое распространится на все вокруг и сотрет границы их маленького мира, открывая для них совершенно другую реальность, совершенно другой, новый, поразительный мир бесконечной и всеохватывающей любви. Мужчина и женщина, Дэвид, встречаются не для того, чтобы создать семью, но они

создают семью для того, чтобы помочь друг другу открыть в себе эту удивительную, божественную силу вселенской любви и гармонии. Семья создается лишь для того, чтобы однажды перестать быть семьей, превратившись в космос. И возможно, вам моя речь покажется излишне пафосной, но я правда так думаю, я так это ощущаю, я так хочу жить. И ваша жена думала точно так же, она так же это чувствовала, поэтому мы и подружались, это понимание мира нас и сблизило, впрочем, и еще то, что ни ей, ни мне до сих пор так и не удалось в полной мере это реализовать. В моем случае это потому, что я еще не встретила такого мужчину, который бы мне помог, а в случае Мэрил это потому, что это зависело не только от нее, но и от вас, Дэвид.

ДЭВИД. Значит, я во всем виноват?

ЭЛИЗАБЕТ. Не думаю, что тут стоит искать виноватых, Дэвид. И Мэрил не считала, что проблема в вас, Дэвид. Мэрил очень сожалела, что она сама не стала для вас такой женщиной, которая бы открыла вам этот путь. Ведь суть женщины, ее смысл, ее предназначение – это дать возможность мужчине открыть в себе где-то там глубоко запрятанную храбрость, где-то там глубоко запрятанную доброту, где-то там глубоко запрятанную уверенность, открыть в себе любовь, нежность, открыть в себе свое предназначение. Ведь у каждого есть свое предназначение, Дэвид. Только не каждый знает, в чем оно, поэтому мы и живем хаотичной жизнью, рассчитывая на удачу, надеясь на случай. А между тем знать свое предназначение и следовать ему – в этом ведь и есть главный смысл всей нашей жизни. А женщина, Дэвид, имеет такой дар – пробуждать в мужчине скрытое в нем самом знание. Женщина нужна мужчине для того, чтобы открыть ему глаза на самого себя, женщина – это ведь зеркало, в котором мужчина видит себя таким, каким он должен быть, а не таким, каким он привык себя считать. Поэтому мужчина и женщина нужны друг другу для того, чтобы дополнять друг друга и помогать друг другу идти по жизненному пути. Конечно, это не путь для каждого, Дэвид, ведь очень многие идут по своему пути в одиночку и в конце концов достигают цели. Но выбор пути зависит не от нас, Дэвид, он дается нам от рождения. Некоторым от рождения суждено быть одному, и таков их путь, а некоторым, таким как вы и Мэрил, вам необходим еще кто-то второй, чтобы, соединяясь с ним, помогать друг другу идти. Вот так вот, Дэвид.

ДЭВИД. Откуда вы все это знаете, откуда?

ЭЛИЗАБЕТ. От моей матери. Она научила меня этому и еще многим другим вещам. Сейчас ее уже нет в живых, она умерла три года назад от рака легких.

ДЭВИД. А кем была ваша мать?

ЭЛИЗАБЕТ. Она была швеей. И я, как видите, продолжаю заниматься тем же самым.

ДЭВИД. Нда. А вот моя мать до сих пор пытается научить меня тому, что жизнь дана нам лишь один раз и от нее нужно успеть взять как можно больше, не оглядываясь на всех остальных. Жить для себя – это вообще кредо и главный постулат моих родителей.

ЭЛИЗАБЕТ. Вы не любите свою мать, Дэвид?

ДЭВИД. Если честно, то мне не за что ее любить.

ЭЛИЗАБЕТ. Каждый человек должен любить свою мать уже только за то, что она его мать. Нельзя не любить свою мать. Мужчина, который не любит свою мать, делается слабым внутри, он теряет связь со своей силой, и даже если внешне он физически сильный и властный человек, но внутри него его связь с силой прервана. И такому человеку уже никогда не добиться гармонии с самим собой. А женщина, которая не любит свою мать, теряет связь со своей женственностью, и хотя внешне она, может, и остается привлекательной, но такая женщина уже никогда не проявит свою подлинную красоту. Мы обязаны любить своих родителей, какими бы они ни были, Дэвид, потому что наши родители – это наша связь с нашей природой, и без этой связи мы превращаемся в пустых и бессмысленных существ.

Пауза. Дэвид внимательно смотрит на Элизабет.

ДЭВИД. Странно, вы говорите такие простые вещи, и сейчас мне они кажутся такими очевидными. Однако, если бы вы произнесли все это в компании Фрэнка и моих друзей, вас подняли бы на смех. И я бы в этом участвовал.

ЭЛИЗАБЕТ. Но я не стала бы произносить все это в компании ваших друзей, потому что все, о чем я говорю, касается только нас с вами. И еще вашей жены, Мэрил. Потому что, Дэвид, я хочу вам сказать, что Мэрил думала о мире очень похоже, может быть, она и не формулировала все это подобным образом, но когда я с ней разговаривала на все эти темы, она то и дело вспыхивала от радости, оттого что ей все это тоже казалось очень, очень близким и знакомым.

ДЭВИД. Странно, а я ведь никогда и не говорил с Мэрил подобным образом. Я ведь вообще не знал ее с этой стороны. Как это ужасно, что я был таким невнимательным. Как это ужасно, что мы не дали друг другу всего того, что мы могли бы дать. Но теперь уже ничего не исправишь. Теперь уже поздно.

ЭЛИЗАБЕТ. В том-то и дело, что не поздно, Дэвид. Мэрил ведь отправила меня к вам именно потому, что она хотела сделать вас счастливым, Дэвид. Она очень хотела, чтобы я вам обо всем рассказала, чтобы я помогла вам узнать о себе то, что вы еще не знаете. Мэрил просила меня сделать то, что не удалось сделать ей, сделать это для вас и, главное, Дэвид, сделать это для нее.

ДЭВИД. Для нее?

ЭЛИЗАБЕТ. Да, Дэвид, именно для нее. А точнее, для вас обоих. Потому что ничего еще не закончилось, а, наоборот, все только начинается, вот в чем все дело, Дэвид.

ДЭВИД. А может, это только мечты о хорошей жизни, Элизабет, и не больше?

ЭЛИЗАБЕТ. Но ведь вы же помните, Дэвид, что мечты – это наша работа, которую мы обязаны сделать хорошо.

Дэвид внимательно смотрит на Элизабет. Они стоят напротив друг друга и смотрят друг другу в глаза.

15-я сцена

Полицейский участок. Комната для свиданий. В комнате стол и два стула. На одном стуле сидит Бэтти. Ее глаза заплаканы, в руке она держит носовой платок. Дверь в комнату открывается входит женщина-полицейский, она вводит Салли. Бэтти поднимает голову и смотрит на Салли. Салли идет к столу, садится на свободный стул. Женщина-полицейский закрывает дверь, но сама остается внутри, она стоит у дверей и смотрит на Бэтти и Салли.

БЭТТИ (поет)

БЭТТИ. Привет, Салли, я зашла только на...

САЛЛИ. Я тебя понимаю, Бэтти, там на свободе, времени всегда не хватает, а здесь, наоборот...

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Времени для свидания у вас всего десять минут, так что поторопитесь.

БЭТТИ. Я пришла сказать тебе, что я очень сожалею...

САЛЛИ. Спасибо, что ты зашла, Бэтти, потому что все остальные друзья Фрэнка отвернулись от меня, кроме Дэвида, разумеется, потому что Дэвид...

БЭТТИ. Я должна сказать тебе, что я чувствую, Салли...

САЛЛИ. Кажется, я сделала что-то ужасное, Бэтти...

БЭТТИ. Но я пришла сказать тебе, что это я во всем виновата, Салли...

САЛЛИ. Я совершила мерзкий поступок, я перешла границу, которую нельзя переходить, Бэтти...

БЭТТИ. Это все из-за меня, Салли, это я довела тебя до такого состояния. Это моя распущенная жизнь. На твоих глазах...

САЛЛИ. Я потеряла контроль, я перестала быть человеком, Бэтти...

БЭТТИ. На твоих глазах мы с Фрэнком вели распутную жизнь, мы причиняли тебе страшную боль, и ты не выдержала, Салли...

САЛЛИ. И я не выдержала, Бэтти, и сделала это...

БЭТТИ. Потому что мы с Фрэнком довели тебя до такого состояния, что тебе стало невыносимо, Салли...

САЛЛИ. Мне стало невыносимо больно, и я утратила человеческий облик, Бэтти, я превратилась в самое настоящее животное...

БЭТТИ. И в этом виноваты мы с Фрэнком, наше безнравственное поведение...

САЛЛИ. Мне было невыносимо больно наблюдать, как Фрэнк падает в пропасть, и я ничем не могу помочь ему...

БЭТТИ. Мы летели в пропасть, Салли, и я первая сделала этот шаг, я первая поскользнулась, я первая потеряла равновесие, я первая упала и потянула за собой Фрэнка, это я во всем виновата, Салли, и я пришла сказать тебе об этом...

САЛЛИ. Не нужно так говорить, Бэтти. Не нужно брать на себя то, в чем ты не виновата, дорогая. Ты женщина, и ты имеешь право на любовь и на внимание со стороны мужчины, которого ты любишь...

БЭТТИ. Я должна была быть внимательной, Салли, я должна была заметить, что моя распушенность причиняет боль другому человеку, причиняет боль тебе, Салли...

САЛЛИ. Ты просто любила мужчину, Бэтти, и в этом нет твоей вины, ты просто предложила свою любовь мужчине, который нуждался в любви, мужчине, у которого была острая нехватка любви, мужчине, который искал любви и не находил, потому что я не смогла дать ему того, что он хотел, я не смогла дать ему той любви, которую он искал, я не смогла предложить ему семью, не смогла предложить ему ребенка, о котором он так мечтал, а ты это сделала, дорогуша, и он откликнулся на это, он потянулся к тому, о чем мечтал. Ты ни в чем не виновата, Бэтти, ты вела себя как нормальная женщина... Ты носишь его ребенка, Бэтти, ребенка Фрэнка, он так мечтал об этом, а я...

БЭТТИ. Боже мой, это я во всем виновата, Салли...

САЛЛИ. Нет, Бэтти...

БЭТТИ. Да, Салли...

САЛЛИ. Нет, это я во всем виновата, Бэтти...

БЭТТИ. Нет, это моя вина, Салли...

САЛЛИ. Нет...

БЭТТИ. Нет...

САЛЛИ. Нет...

БЭТТИ. Нет...

САЛЛИ. Нет...

БЭТТИ. Нет...

САЛЛИ. Нет...

БЭТТИ. Нет...

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Извините, что вмешиваюсь в ваш разговор, леди. Но почему, черт возьми, вам в голову не приходит то, что, может быть, во всей этой истории виноват кто-то другой?! Пораскиньте мозгами, леди, возможно, есть тот, кто по-настоящему во всем виноват?

БЭТТИ И САЛЛИ РАЗОМ. Кто он?!

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Как это кто? Во всем виноваты «гребаные обстоятельства», разумеется. Разве все, что с нами происходит, не в их власти? Вы меня простите за прямоту, ну раз уж у нас пошел такой откровенный разговор, то я скажу все, что я думаю. Я работаю в этом заведении уже много лет, и за это время мне пришлось наблюдать сотни вот таких же историй, как ваша. И знаете, что я скажу вам, дорогуши? Никто из тех, что попадали сюда, никто не хотел делать того, что он сделал. Никто. Все вы оказываетесь здесь по стечению тех или иных гребаных обстоятельств. Гребаных обстоятельств, надеюсь, вы понимаете, о чем я?

САЛЛИ И БЭТТИ РАЗОМ. Нет.

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я говорю о гребаных обстоятельствах, дорогуши. Так что вам не нужно брать вину на себя, поверьте моему опыту, я повидала сотни таких, как вы, и я знаю, о чем я говорю. И если вы захотите узнать об этом получше, то в следующий раз я могла бы рассказать вам обо всем этом много, много интересного, но сейчас, к сожалению, время, отпущенное на свидание, закончено, вам нужно прощаться, леди. Заключение Салли Томсон, встаньте и идите к двери...

Салли встает.

САЛЛИ. Прощай, Бэтти. Приходи ко мне когда-нибудь еще, если, конечно, судья не приговорит меня к электрическому стулу.

БЭТТИ. Салли, я пришла сказать тебе...

САЛЛИ. Спасибо, что пришла поддержать меня, после разговора с тобой мне действительно стало легче.

БЭТТИ. Но, Салли, я пришла не за этим...

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Время для свиданий закончено. Заключение Салли Томсон, идите к двери.

БЭТТИ. Фрэнк всех обманул, Салли. Я не беременна и не жду ребенка. Фрэнк это сказал только для того, чтобы поиздеваться над тобой.

САЛЛИ. Что?! Что ты сказала?!

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Заключенная Салли Томсон, встаньте лицом к стене, руки за голову.

САЛЛИ. Ну-ка повтори, что ты сказала, жалкая шлюха?

БЭТТИ. Прости нас, Салли, это мы с Фрэнком довели тебя...

САЛЛИ. Бэтти! Ах ты проклятая свинья! Бэтти! Да ведь я сейчас задушу тебя вот этими вот руками! Жалкая, мерзкая сучка!

Салли бросается на Бэтти, а женщина-полицейский пытается удержать ее.

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Заключенная Салли Томсон, немедленно прекратите, иначе я вынуждена буду применить силу. Считаю до трех. Раз...

САЛЛИ. Я выдеру все волосы на твоей жалкой голове! Пустите меня, я должны отправить эту поганую сучку туда же, куда я отправила ее мерзкого любовника Фрэнка!

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Два...

Женщина-полицейский удерживает Салли. Бэтти от страха забила в угол комнаты. Салли пытается вырваться из крепких объятий женщины-полицейского.

БЭТТИ. Салли, успокойся! Тебе нужно успокоиться, я прошу тебя!

САЛЛИ. Сейчас я доберусь до тебя, мерзкая шлюшка. Сейчас я выколю твои глаза и изуродую тебе лицо. Пустите меня к ней. Эта дрянь погубила всю мою жизнь! Я должна убить ее. Пустите меня к ней!

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Три.

Женщина-полицейский бьет ребром ладони по шее Салли. Салли падает как подкошенная.

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну вот. Мне пришлось сделать то, чего я не хотела. Я не хотела этого делать, но обстоятельства заставили меня применить силу. Гребаные обстоятельства вынудили меня это сделать. Вся вина на них. Гребаные обстоятельства всегда виноваты во всем.

16-я сцена

Холл, где проходят поминки по Фрэнку. В холле много народу. Все в черном. В глубине холла на возвышении стоит портрет Фрэнка. Холл убран в траур, повсюду черные ленты и другие знаки траура. Люди, присутствующие на поминках, – это люди из высшего общества. Среди них и наши герои: Максимильтян, лама Джон, Бэтти, Тэдди, Элизабет и Дэвид. Нет только Салли.

Тэдди с бокалом в руке произносит слова в память о Фрэнке. Тэдди пьянее, чем это позволяют рамки приличия, но он держится уверенно.

ТЭДДИ. Дорогие друзья. Сегодня, когда я был в крематории и наблюдал за тем, как мой самый близкий друг Фрэнк превращается в горстку пепла, я стоял и думал: «А где теперь Фрэнк? Что это теперь такое – Фрэнк? Вот эта горстка золы – это и есть мой лучший друг Фрэнк? Что это, Фрэнк – это просто имя? Это только лишь память? Где ты, Фрэнк? Где ты теперь, дружище Фрэнк?»

Пауза. Тэдди вытирает слезы.

ТЭДДИ. Мне было нелегко осознавать, что моего лучшего друга больше нет. Но, согласно буддийскому учению, а все мы здесь знаем, что Фрэнк был убежденный буддист. Так вот, согласно, буддийскому учению, сознание после смерти еще сорок девять дней пребывает в состоянии, которое называется бордо. Это промежуточное состояние между смертью и новым рождением. И согласно буддийскому учению, первые дни после смерти сознание всегда находится где-то рядом со своими близкими, а это значит, что сейчас сознание Фрэнка находится среди нас, Фрэнк сейчас здесь, он с нами, он слышит вот эти мои слова, обращенные к нему.

Пауза. Тэдди вытирает слезы.

ТЭДДИ. Я обращаюсь к тебе, Фрэнк. Я знаю, ты сейчас слышишь меня, поэтому я хочу сказать тебе одну очень важную вещь. Помнишь, как много лет назад, когда я застукал тебя с моей женой Салли в постели, помнишь, как я сказал тебе тогда: «Это добром не кончится, Фрэнк». А ты мне тогда ответил: «Да брось, Тэдди, будь мужчиной, в конце концов, все будет хорошо». Ты так сказал, Фрэнк? И вот теперь я хочу спросить тебя, дружище, ну и что же в этом хорошего? Ответь мне, ну и что же хорошего, Фрэнк? Видишь, ты не можешь мне ответить, дорогой друг, а знаешь, почему ты не можешь мне ответить, дружище? Да потому что у тебя нет рта, черт бы тебя побрал! У тебя ведь просто нет рта, Фрэнк. Нет рта и нет твоего тела. Тебе нечем отвечать, старина. Тебе не на чем ходить, потому что у тебя нет ног, нет рук, нет твоего проклятого языка, чтобы сострить в мою сторону. Так что ничего хорошего, Фрэнк. Ничего хорошего, Фрэнк, о чем я тебя и предупреждал в тот самый день, когда ты, паршивая свинья, увел у меня мою жену, которая теперь будет сидеть в тюрьме за то, что лишила тебя твоего чертова тела и твоего паршивого рта. Так что, как видишь, ничего хорошего, Фрэнк. Ничего хорошего, дружище!

БЭТТИ. Тэдди, прекрати, остановись, я прошу тебя.

ТЭДДИ. Я уже остановился, Бэтти. Я стою. Вот, видите, я стою тут на своих собственных ногах, размахиваю своими собственными руками и треплюсь своим собственным языком. И у меня все хорошо, за исключением некоторых неприятностей, случившихся с моим лучшим другом и его женой, которая когда-

то была моей. У меня все хорошо. Все хорошо. Чего не скажешь о Фрэнке.
Я закончил свое выступление. Извините.

Тэдди уходит под леденящую тишину. Несколько секунд стоит зловещая тишина. Потом снова начинается гул, присутствующие начинают активно обсуждать то, что случилось.

17-я сцена

Холл, где проходят поминки по Фрэнку. Присутствуют все те же, что и в предыдущей сцене. Люди прохаживаются с бокалами в руках, о чем-то разговаривают – стоит общий гул.

На авансцену выходят Максимильтян и лама Джон.

МАКСИМИЛЬЯН. Послушай, Джон. Сегодня мне опять приснился Фрэнк, только на этот раз он был не мертвым, а живым. На нем даже был его коричневый пиджак с искусственными заплатами на локтях. И он снова заговорил со мной на ту же самую тему, Джон. Только теперь он одобрил нашу с тобой связь. Он сказал, что как Христос принял однополые браки в свою церковь, разрешив священникам в некоторых странах совершать обряд венчания с гомосексуалистами, так и Будда теперь является сторонником однополый любви. «Живите как хотите, – сказал мне Фрэнк, – только детей не ешьте и природу не загрязняйте».

ЛАМА ДЖОН. Это хороший знак, Макси. Это очень хороший знак.

18-я сцена

Холл, где проходят поминки по Фрэнку. Присутствуют все те же, что и в предыдущей сцене. Люди прохаживаются с бокалами в руках, о чем-то разговаривают – стоит общий гул.

На авансцену выходят Дэвид и Элизабет.

ЭЛИЗАБЕТ. Как ты себя чувствуешь, Дэвид?

ДЭВИД. Ты, знаешь, Элизабет, я чувствую себя очень странно. Очень, очень странно. С одной стороны, мне невероятно жаль Фрэнка, я не могу привыкнуть к мысли, что его больше нет. Я буду сильно тосковать по нему. Я действительно любил его и знаю, что он тоже любил меня и всегда хотел мне помочь. И вот это ощущение горя, оно сейчас в моем сердце, но с другой стороны, Элизабет, мне стыдно в этом признаться, но я в первый раз в жизни чувствую себя по-настоящему хорошо. Сегодня утром я проснулся и вдруг ясно ощутил, что мне сейчас 35 лет. Что я полон сил. Что у меня есть любимая работа, у меня любовь к моей жене Мэрил. У меня нет Мэрил, но у меня есть какое-то невообразимое, прекрасное чувство к ней, которое пропитывает каждую секунду моей жизни. Удивительно, что я раньше этого не замечал?! Даже когда Мэрил была со мной, я

не чувствовал с ней такой близости, как теперь. Я не знаю, что случилось, но я как будто бы отпустил ее, я как будто бы позволил ей умереть, как бы это печально ни звучало, но отпустив ее, я вдруг снова обрел ее, только теперь я обрел ее по-настоящему, я обрел ее насовсем. Я позволил ей уйти, и теперь она всегда со мной, и мне уже не нужно удерживать ее и страдать оттого, что ее нет. И как будто тысячетонный груз свалился с моих плеч, я испытал такое облегчение. Это просто невозможно описать словами. Я вернулся к жизни. С сегодняшнего дня я снова начал жить. И я хочу сказать, что все это благодаря тебе, Элизабет.

ЭЛИЗАБЕТ. Все это благодаря Мэрил.

ДЭВИД. Да, да, конечно. Но именно ты сумела пробиться ко мне внутрь и выпустить мою душу на свободу. Я тебе очень признателен, Элизабет. И я очень счастлив, что теперь у меня есть такая возможность – быть с тобой рядом, приходить к тебе, разговаривать с тобой о важных, самых важных вещах на свете.

ЭЛИЗАБЕТ. Я очень тронута, Дэвид. Спасибо. И я очень счастлива, что тебе стало лучше. И рада нашему знакомству, но, увы, завтра я уезжаю из этого города.

ДЭВИД. Что?!

ЭЛИЗАБЕТ. Я сделала все, о чем меня просила ваша жена, и теперь мне нужно ехать, у меня своя жизнь, Дэвид. Моя работа закончена.

ДЭВИД. Работа? Зачем ты произносишь это страшное слово, Элизабет? Ты же не хочешь сказать, что это была только лишь работа?

ЭЛИЗАБЕТ. Это моя работа, Дэвид. Но это работа, к которой я принадлежу всем своим сердцем. Это то, что я ощущаю как собственное призвание. Помнишь, мы с тобой говорили о том, что у каждого в жизни должно быть свое предназначение? Мое предназначение вот в этом. Так что мы сегодня должны будем проститься, Дэвид, но, возможно, мы еще как-нибудь увидимся и поговорим о чем-нибудь важном.

ДЭВИД. Зачем ты сказала об этом, Элизабет? Теперь вся эта иллюзия разрушена. Зачем ты это сделала, Элизабет?

ЭЛИЗАБЕТ. Это не иллюзия, Дэвид. То, о чем мы с тобой говорили, и то, как это на тебя подействовало, – это не иллюзии. И твоя любовь к Мэрил – это тоже не иллюзия, Дэвид. И то, что любовь дает тебе энергию жить полной жизнью, – это так и есть на самом деле, Дэвид. И то, что предназначение женщины давать мужчине силы и помогать ему открывать в себе самом свое предназначение, – это все и есть реальность, Дэвид. Я очень рада, что мне удалось помочь тебе, и я признательна тебе за то, что тебе удалось помочь мне, Дэвид, потому что, общаясь с тобой, я тоже кое-чему научилась, например, тому, что без любви к человеку невозможно ему помочь по-настоящему. Чтобы помочь, нужно

любить, я это поняла, Дэвид. Я люблю вас. Но мы не созданы для того, чтобы быть вместе. Я не создана для семьи, Дэвид, для этого тебе нужно найти кого-то другого. У меня совсем другой путь, поэтому я и уезжаю, Дэвид. Рада была узнать тебя, Дэвид. Ты прекрасный человек, достойный полноценной жизни на этой земле. До свидания.

Элизабет подходит к Дэвиду. Целует его в щеку, разворачивается и уходит. Дэвид стоит не шелохнувшись. Далее следует танцевальная сцена. Все присутствующие на поминках, кроме Дэвида, исполняют общий танец. Это такой танец, который всегда исполняют в финалах мюзиклов. Все исполняют общий танец, и только Дэвид медленно бредет мимо танцующих. Он погружен в свои мысли. Дэвид уходит со сцены. Танец подходит к своему логическому завершению, артисты делают последнее движение и тоже уходят со сцены.

19-я сцена

Квартира Дэвида. В комнате Дэвид и Мэрил.

ДЭВИД. Мэрил?

МЭРИЛ. Да, Дэвид.

ДЭВИД. Ты здесь, ты со мной, Мэрил?

МЭРИЛ. Я всегда с тобой, когда ты обо мне думаешь, ты же знаешь.

ДЭВИД. Расскажи мне что-нибудь веселое, Мэрил. Расскажи мне какой-нибудь анекдот, чтобы мы могли с тобой посмеяться, как мы это делали раньше, когда ты еще была жива, ты помнишь?

МЭРИЛ. Конечно, я помню, как мы смеялись, дорогой. Сейчас, дай мне немного подумать, возможно, я... Одну минуту, Дэвид, мне нужно сосредоточиться.

Пауза. Мэрил закрывает лицо руками, Дэвид сидит не двигаясь, смотрит перед собой. Так проходит несколько секунд, наконец Мэрил убирает руки от лица.

МЭРИЛ. Большая, жирная, грязная, просто очень огромная, страшная, вонючая, агрессивная, сексуально озабоченная горилла заходит в магазин детских игрушек, облакачивается на прилавок и спрашивает у продавца таким мерзким, хриплым голосом: «Эй, у тебя в магазине есть большая швейная игла?» Продавец при виде такой гориллы почти что навалил в штаны от страха, и хотя у него не было иглы, он испугался сразу сказать нет и спрашивает: «А зачем вам большая игла, мисс?» А горилла отвечает ему мерзким, страшным голосом: «Для того, чтобы вытащить занозу из моего огромного, длинного, жирного, волосатого, упругого, мясистого... пальца». Ха-ха-ха.

ДЭВИД. О господи, Мэрил! Это же детский анекдот.

МЭРИЛ. Ты сам мне его рассказал, дорогой.

ДЭВИД. Да, это точно так и было, я тебе рассказал этот глупый анекдот, и мне кажется, мы с тобой тогда правда смеялись.

МЭРИЛ. Да, мы смеялись, и не только, милый.

ДЭВИД. Да? А что мы еще делали, может, ты мне скажешь?

Дэвид подходит к Мэрил и обнимает ее за талию.

МЭРИЛ. Еще?! Ну мы много чего тогда делали, Дэвид.

Дэвид прижимает Мэрил к себе.

ДЭВИД. Например?

МЭРИЛ. Например, мы целовались.

ДЭВИД. Вот так.

Дэвид нежно целует Мэрил в губы коротким поцелуем и смотрит ей в глаза.

МЭРИЛ. Да, кажется, вот так, дорогой.

Мэрил и Дэвид сливаются в долгом поцелуе.

ЗАНАВЕС